

Юрий Прокопенко

В переулках Арбата

Оттепель

Юрий Прокопенко

В переулках Арбата. Оттепель

«Издательские решения»

Прокопенко Ю. И.

В переулках Арбата. Оттепель / Ю. И. Прокопенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747728-8

«В переулках Арбата» — повесть о начале творческого пути и приключениях главного героя Ивана Белецкого. События происходят в период хрущёвской оттепели. Для получения двухлетнего стажа Иван приходит работать на промышленное предприятие. Преодолевая трудности, он поступает в медицинский институт. Наш герой, обладая привлекательной внешностью, имеет большой успех у девушек. Его жизнь полна увлечений, любовных романов, мечтаний и огорчений. Повесть написана для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-44-747728-8

© Прокопенко Ю. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Три брата с Арбата	6
Глава 2. Весна идет	12
Глава 3. Цветущий май	17
Глава 4. Последний звонок	24
Глава 5. Дорога в лето	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**В переулках Арбата
Оттепель
Юрий Иванович Прокопенко**

© Юрий Иванович Прокопенко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Три брата с Арбата

Среди множества переулков Арбата, где происходили основные события, изложенные в повести, был Сивцев-Вражек. Рассказывают, что когда-то на его месте был неглубокий овражек, на дне которого протекала речка Сивка. Отсюда и название переулка. Сивцев-Вражек самый длинный переулок Арбата. По своей протяженности он лишь немногим уступает самому Арбату. Начинается этот переулок от середины Гоголевского бульвара, идет параллельно Арбату и заканчивается, упираясь в улицу Веснина, которая поддерживает со спины величественное здание МИД СССР. Своим фасадом эта сталинская высотка выходит на Смоленскую площадь и выглядит весьма парадно. Здесь всегдалюдно, даже вечерами, когда деловые люди сменяются шумливой молодежью. В выходные дни, особенно в солнечную погоду, у подножия этого величественного здания играли в свои детские игры дети Арбата.

Если посмотреть на Сивцев-Вражек с высоты птичьего полета, то его можно сравнить с ветвистым деревом, от ствола которого отходят большие и малые ветви. Это и есть переулки Арбата, различающиеся по размерам, но близкие друг другу по названиям и по своей сути: Большой и Малый Афанасьевкой, Большой и Малый Власьевский, Староконюшенный и Калошин, даже Зачатьевский переулок. Был здесь и Плотников и Кривоарбатский переулок, как-бы нарочно притулившийся к последнему и выходящему своим другим концом прямо на Арбат, к самому театру имени Вахтангова. В этой богатой сети переулков удачно расположились четыре школы и три кинотеатра, военная прокуратура и народный суд. Небольшая действующая церквушка и ломбард. Здесь жили коренные москвичи и те, что не так давно приехали сюда из других районов Москвы или Подмосковья или совсем из отдаленных мест Союза. Они все неплохо ладили между собой, а некоторые даже дружили. Здесь завязывались любовные романы и создавались семьи.

Теперь немного о времени, когда происходили события, описываемые в повести. Нередко это время называют «Хрущевской оттепелью». Это так, потому что правил страной в ту пору Хрущев, а оттепель или весна произошли от своей очередности, происшедшей вслед за строгими и суровыми временами правления «вождя всех народов» Сталина. Вслед за 20-м съездом Партии, на котором Хрущев выступил с обличающим культ личности докладом, стали меняться приоритеты и ориентиры. Советская власть оставалась по-прежнему, но ветер перемен все чаще стал приносить видимые и ощутимые народом новые дуновения. Таким был международный фестиваль молодежи и студентов, раскинувшийся на улицах, бульварах и площадях Москвы в 1957 году. С этим грандиозным событием в жизни нашей страны были связаны многие последующие веяния, как в образе жизни москвичей, так и в культурной жизни. Новые художественные фильмы и среди них «Карнавальная ночь», выставки картин и в том числе художников «абстракционистов», выставка американских автомобилей, изменившая наши представления о том, каким должен быть легковой автомобиль, например, «импала» фирмы Шевроле, и многое другое, что, конечно же, не могло не радовать рядовых москвичей, особенно московскую молодежь. Наконец, началось масштабное строительство жилых домов, предназначенных для расселения семей, все еще проживавших в подвалах, полуподвалах и коммунальных квартирах.

Определившись, таким образом, в месте и времени действия наших героев, вернемся и к ним самим. В молодежной среде определено были лидеры. Так в конце пятидесятых годов в переулках Арбата большую популярность приобрели три брата Белецкие. Большинство окружавших их девчонок и незамужних молодых женщин, отдавали должное, прежде всего, их красивой внешности и тому значимому обстоятельству, что многие из них хотели бы познакомиться с братьями поближе или стать друзьями. Иметь этих братьев в числе своих знакомых было весьма престижно.

Жили три брата в одном из самых больших и известных домов Сивцев-Вражека. Когда-то здесь селились высшие офицеры Красной Армии. Сейчас в нем жил разный народ, офицеров осталось немного. В их числе был и полковник Белецкий Павел Иванович со своей семьей: женой, Ольгой Григорьевной, дочкой Светланой и тремя сыновьями Олегом, Игорем и Иваном. Жили они в коммунальной квартире, где еще проживали семьи двух полковников. Каких-либо конфликтов между соседями не возникало. Мужья исправно служили в Советской Армии, офицерские жены, как и полагалось тогда, нигде не работали. У Егоровых был сын и дочка Юлия, симпатичная девочка, за которой безуспешно ухаживали парни, ее соседи. Они недавно вернулись из долгосрочной командировки в Данию, где полковник Егоров служил военным атташе. У Локтевых был сын Альберт и маленькая девочка-дошкольница Людочка. Вот в таком составе проживали в офицерском доме эти три семьи.

Олег Белецкий был старшим сыном. Он рос физически крепким юношей, обладал пытливым характером и рядом индивидуальностей, которые по молодости не давали спокойствия его родителям. Олег в детстве сильно болел, и мать боялась, что он может умереть. Но умер тогда младший брат Ивана – Витя. Олег продолжал жить и рос он крепким мальчиком с развитой мускулатурой. Учеба ему давалась легко, но характер у него был не простой, можно сказать бунтарский. Еще в возрасте тринадцати лет, когда Белецкие жили на «военной базе» под Москвой, где отец, подполковник, был большим начальником, Олег собрал ватагу себе подобных ребят. Они соорудил плот, на котором все перебирались на остров по названию Буян, стоящий посередине небольшого озера. Надо сказать, что база эта была обнесена высоким забором с колючей проволокой и с четырех ее сторон стояли вышки, на вышках несли караул вооруженные солдаты. Так что вся территория хорошо просматривалась. Что делали ребята на этом островке с небольшим шалашом, никто не знал. Как выяснилось позже, в этом шалаше была найдена литература на русском и немецком языках, рассказывающая о порядках в немецкой армии, вооружении, уставе и прочих вещах, которых не следовало знать подросткам спустя три года по окончании войны. Все эти книги он стащил у отца из его тумбочки. И когда отцу доложили об этом, он имел серьезный разговор с Олегом.

– Понимаешь ли ты, что мы воевали с Германией и много наших людей погибли от рук фашистских солдат и замучены фашистами в концентрационных лагерях. И я там воевал. Имею ордена и медали. Ты должен гордиться нашей армией и страной и нашим народом, а не изучать литературу о фашистской армии. Скажи мне, зачем ты это делал?

– Все, что ты говоришь, это верно, папа. Но ведь правда и то, что у немцев была сильнейшая в мире армия, что они завоевали почти всю Европу и дошли до Москвы и Сталинграда. У них были сильные генералы, которые умели побеждать. И фюрер их был наверно сильный человек, раз сумел подчинить себе всех этих генералов и всю армию. Почему нельзя говорить об этом открыто?

– Так ты восхваляешь фюрера, этого психопата и мерзавца? Может быть, ты еще скажешь «хайль»?

И Олег сказал «да». Отец взбесился от непослушания сына, схватил его за волосы, открыл крышку погреба и толкнул его туда. В погребе было сыро и холодно, там хранилась картошка и солонина. Мать кинулась на помощь Олегу, своему любимцу, и набросилась на отца. В общем, разгорелся настоящий скандал. Мать кричала, что он еще глупый ребенок, что все это детские игры и надо убеждать его, воспитывать, а не бросать его в погреб как врага народа. Отец некоторое время попытался, потом поднял крышку погреба и сказал: «Выходи, но чтобы этого больше не было!». И с диким ревом на поверхности пола появилась голова Олега. Он естественно перепугался, что его могут оставить в погребе надолго и теперь, оказавшись на свободе, он громко плакал, а мать его утешала, прижимала его голову к своей груди. Отец плюнул на пол, чертыхнулся и вышел из дома.

На следующий день солдаты разорили шалаш на острове, разломали плот, а отец, на всякий случай забрал хранившиеся у него в тумбочке два пистолета и патроны к ним и унес их куда-то. Инцидент был исчерпан.

Но бунтарский характер Олега продолжал себя показывать. Это уже случилось, когда Белецкие жили на Сивцев-Вражке, а Олег учился в девятом классе. Получив паспорт, он почувствовал себя достаточно взрослым и самостоятельным, чтобы не подчиняться требованиям школы. Олег отрастил длинные волосы «а-ля Тарзан» и завел усы в виде тонкого шнурка над верхней губой. Парень он был и без того достаточно красивый, хорошо сложенный, особенно нравились девочкам его карие глаза с поволокой. Все это придавало ему уверенности в себе. И когда директор школы вызывал его и предложил ему изменить внешность, в частности, сбрить усы, подстричь волосы как у всех советских юношей, не носить такой яркий галстук и больше внимания уделять учебе, а не своей внешности и девочкам, Олег обиделся. Он ответил директору, что он уже взрослый, имеет паспорт, что он гражданин Советского Союза и свободный человек и вправе иметь такую внешность, какую считает нужным. При этом он указал на портрет Сталина, висевший над головой директора, и сказал: «Вождь тоже носит усы». Ну что мог на это ответить директор школы. Олег не был комсомольцем, поэтому не подлежал комсомольским разборкам. Не помогли увещевания отца, что у него из-за Олега неприятности на службе. Ну как он может быть политработником в армии, воспитывать солдат и офицеров, когда он не может вразумить и воспитать своего собственного сына? Мать на этот раз не заступалась за него. Она молчала, хотя и переживала за судьбу ее любимца. В итоге: Олега исключили из школы, и он остался недоучкой на уровне девятого класса.

Пол – года он провалился на диване, потом лето провел в Полтаве, где семья Белецких проводила лето каждый год. Там увлекся соседской девушкой, которую звали Нина. Она была очень хорошенькой: невысокого роста, с хорошо сложенной для ее лет фигуркой, со светлыми пышными волосами, большими голубыми глазами, небольшим точеным носиком и алыми губками. Ну как можно было устоять перед такой красавицей. Вдобавок ко всему у нее был чудесный и сильный голос и, когда она порой вечерам пела украинские песни, эту песню слышала за пару кварталов от ее дома мать Олега и восхищалась ею. Нина была сирота, жила у тети с дядей, и это обстоятельство также облегчало решение вопроса о женитьбе. Тем более что молодые люди уже успели согрешить, полюбив друг друга. При таких обстоятельствах, разъясняла мать Олегу, он просто обязан был жениться. А Олег вовсе не был против. На Украине в ту пору можно было заключать браки с шестнадцати лет. Там же в Полтаве сыграли свадьбу, а жить молодые поехали в Москву, то есть в ту квартиру, где жила семья Белецких. Одну из комнат перегородили, и там поселили молодых. «Ну что ж: в тесноте, да не в обиде, было бы счастье», – так рассуждала Ольга Григорьевна. Однако с деньгами становилось все труднее. Отец хоть и был полковником, и оклад его был немаленький, но и семья была большой. И «медовый месяц» для Олега скоро закончился. После небольших поисков работы, он устроился на ЗИЛ, на конвейер, сварщиком, где с помощью автомата варили кабины для грузовиков. Работа была физически тяжелой, нравственно убогой, и это не могло не сказаться на семейной жизни Олега. К жене он потерял всякий интерес. Нина была девочка умная, все поняла, собрала вещи и уехала в Полтаву к тете. Олег продолжал работать на ЗИЛе до лета. За это время он успел окончить школу рабочей молодежи и с помощью отца устроился корректором в издательстве. В армию его не взяли по состоянию здоровья: у него была найдена гипертоническая болезнь. Как он сам объяснял: это все от работы на ЗИЛе. Потом у него появилась новая страсть – философия. Он изучил множество философских книг, познал основы материализма и идеализма и остановился на осмысливании ключевых понятий философии и мироздания: пространства, материи и времени.

К тому времени, о котором идет речь в нашем повествовании, Олегу было далеко за двадцать. Он был физически здоровым парнем, жизнерадостным, с красивым лицом и большими

кариими глазами. Широкие плечи, развитый торс и объемные рельефные бицепсы выдавали в нем молодого человека физически сильного и уверенного в своем превосходстве над многими своими сверстниками. Эта уверенность в себе достаточно навредила ему в его карьере. Ему бы сейчас уже заканчивать учебу в каком-либо институте, но он не выбрал для себя ничего подходящего, полагая, что его знания и без того достаточно велики. Может быть, это и было так, но, не имея диплома, он не мог получить приличную должность, и потому пока продолжал работать корректором в том же издательстве.

Средний брат, Игорь, тоже был весьма своеобразной фигурой. Высокий, стройный и худощавый, с изящным профилем и кариими глазами, он любил во всем порядок и красоту. Он мог подолгу возиться со своими «мокасинами», наводя на них блеск, и тщательно завязывать галстук на туго накрахмаленном белом воротничке, без конца поправляя свою красивую прическу перед зеркалом. Игорь нередко пользовался различными кремами для лица и волос. Да, он нравился многим девушкам в переулках Арбата, в школе, где он учился, и далеко за ее пределами. Пользовался ли он своим успехом в «корыстных» любовных целях, оставалось загадкой. Он обладал скрытным характером, не подпускал на близкое расстояние к себе ни одного из братьев и потому его возможные похождения, как правило, оставались тайной для семьи.

Все было бы хорошо, если бы не хронические проблемы с учебой в школе. Он не особо стремился к знаниям и не усердствовал за учебниками. В результате Игорь дважды оставался на второй год и к окончанию десятого класса пришел лишь к девятнадцати годам. Осенью его ждала служба в армии, а уровень полученных в школе знаний, не оставлял никаких шансов на поступление в институт и получение соответствующей отсрочки. Да Игорь, похоже, к этому и не стремился. Скорее всего, ему хотелось получить продолжительный и устойчивый отдых от каких-либо занятий. Поэтому он спокойно ожидал срока своего призыва в армию.

Совсем другим юношей рос их младший брат Иван. Его отец, Павел Иванович считал, что его младший сын был самым благоразумным из трех его сыновей. Он пошел в школу, не учась в первом классе – сразу его взяли во второй класс. Учительница, принимавшая его, сказала тогда, что ему будет неинтересно и скучно в первом классе, т.к. он в ту пору уже умел читать, знал таблицу умножения и даже ухитрился решать задачи по алгебре за седьмой класс, в котором училась его сестра Света. Как он это делал, оставалось тайной маленького Ванечки. И позже у отца не было проблем с его обучением, не в пример старшему брату, который время от времени «бунтовал» и выкидывал всякие фокусы. В девять лет Иван впервые сел за руль его служебного «Москвича» и на виду у офицеров воинской части, руководимой отцом, он лихо сделал пару кругов по территории и точно подрулил к группе стоящих здесь офицеров. Автомобиль на всю жизнь стал страстью Ивана. А еще через год он с помощью отца направил свой первый рассказ в детский журнал «Мурзилка» и его вскоре напечатали. Рассказ назывался «Первый улов». Отец был горд успехами сына. Этот номер журнала с напечатанным рассказом Ивана он показывал своим сослуживцам не без умиления. Писательство стало для Ивана навязчивой, болезненной страстью и мечта стать писателем бесповоротно овладела им. Иван хорошо учился, был живым, подвижным, мечтательным мальчиком. Практически, Иван никогда не нарушал дисциплины. Лишь однажды, а это было в третьем классе, его выгнали с урока пения и отобрали портфель, с тем, чтобы за ним пришли его родители. Выгнали ни за что, просто так. Иван во время хорового пения молчал, так как не умел или не хотел петь. Иван пришел из школы домой и горько расплакался. Мама, как могла, утешила его и принесла из школы портфель. Олег же, подтрунивая над младшим братом, все время повторял: «Допрыгался, доскакался!», от чего Ванечка ревел еще сильнее. Маленький Ваня очень любил жизнь, любил животных, а в аквариуме у него плавали разнообразные тепловодные рыбки. Это были вполне доступные по цене гуппи и красные меченосцы, была также парочка полосатых данио рерио. За его рыбками часто наблюдал Павел Иванович, будучи страстным рыболовом. Больше

всех ему нравился усатый гурами, который время от времени выпрыгивал над водой на два-три сантиметра. Ну, совсем как рыба в реке.

Особую любовь он испытывал к своим матери и отцу и не мог себе представить, что когда-то их не станет. Это была бы величайшая несправедливость в мире. Люди не должны умирать. И Иван решил встать на пути этой несправедливости. Он был в ответе за все человечество. Надо спешить и что-то придумать, чтобы люди не умирали. Иван купил толстый учебник анатомии и приступил к пристальному изучению строения человека. Он понимал, что придумать способ спасения жизни можно только изучив его строение. Кстати, он так и назвал свой метод: «СЖЧ», что означало «Спасение жизни человека». Он пришел к выводу, что в критический момент жизни, когда человек при смерти, нужно делать укол в сердце. Это может спасти человека. Тогда он не знал, что подобные уколы в сердце уже практиковали в клиниках и что для этого есть специальные лекарственные средства. Для мечтательного Ивана «СЖЧ» стало третьей генеральной идеей его жизни. Он тогда еще не знал, что именно эта идея прежде других станет реальностью.

И вот этой весной наступало время, когда все мечты и желания Ивана могли сбыться. Это чувство, вернее предчувствие не покидало его все последнее время. В марте тепло пригревало солнце и на Садовом кольце днем текли ручьи, а на тротуарах местами серебрились на солнце лужи. И Иван в свободное от занятий время любил ходить сюда со своими друзьями-сверстниками встречать весну. Он был, как и его старшие братья, красивым юношей. Тонкий и стройный, с широкими плечами и легким станом, он обладал внешностью молодого человека, которого сразу можно было выделить из числа других, а увидев однажды, запомнить надолго. С возрастом он все чаще стал понимать, что нравится девушками и что редко какая из них отказала бы ему в знакомстве. Густые черные волосы, уложенные локонами, слегка спадали на лоб. Из под черных бровей смотрели светло-серые большие глаза, прямой тонкий нос подчеркивал красоту его лица. Но Иван, в отличие от Игоря, не задерживался подолгу перед зеркалом, не старался что-либо исправить в своей внешности, ему было некогда. Он дорожил всякой свободной минутой, чтобы использовать ее в соответствии с его устремлениями. Он все больше пробовал изложить на бумаге свои переживания, пытаясь найти образы и сюжеты для литературного творчества. Не всегда получалось то, чего бы он сам хотел. Не хватало жизненного опыта, и он надеялся, что все это может прийти с годами.

Братья Белецкие были разными по возрасту, поэтому и их друзья также значительно разнились. Если у Олега это были уже взрослые парни, то вокруг младшего Ивана собирались такие же как и он, шестнадцати-восемнадцати летние. Это существенное возрастное различие строило препятствие в широком общении старших и младших братьев. Но братские чувства, построенные на родственной основе и тесном совместном проживании, влекли их время от времени друг к другу. Они порой затевали разные игры, такие как настольный футбол, где каждый из них представлял ту или иную футбольную команду, существующую в реальности. Например, Игорь представлял ЦСК, Альберт Локтев – Спартак, а Иван – Торпедо. Играли по специально составленному графику, а результаты игр заносили в турнирную таблицу. Олег в этих играх, как правило, не принимал участие. Его не устраивал спокойный ритм игры, где каждая сторона «ходит» по очереди. Его темперамент требовал другой игры, вернее, другого темпа, где не надо было дожидаться своей очереди. В результате большая часть фишек, отображающих футболистов, вылетала с поля, и сама игра теряла смысл. Максимализм Олега препятствовал его систематическому участию в турнире. Другой совместной игрой была «война» с использованием самодельных пороховых пушек. В качестве пушек служили стреляные мелкокалиберные гильзы, в которых просверливали отверстие у основания. Из свинца выплавляли лафет с отверстием, куда вставлялась заряженная гильза. Заряжали ее порохом, купленным в охотничьем отделе магазина «Военторг». Этот порох продавался свободно без предъявления каких-либо документов. Олегу и эта игра очень скоро наскучила. Из-за своего слабого заряда

такая пушечка максимум, что могла сделать, это опрокинуть пластилиновый танк величиной со спичечный коробок или несколько пластилиновых солдатиков противника. Олег предложил увеличить силу заряда, законопатив гильзу крупной свинцовой дробинкой. Выстрел получился впечатляющий, и вскоре одна из соседок выразила бурный протест такой игре. Войнушку с пороховыми пушками запретили.

Семья Белецкий иногда собиралась за круглым столом под абажуром апельсинового цвета: играли в преферанс. Игроков как раз было четверо: глава семейства и три брата. Научил братьев этой игре отец. Он всячески напоминал, что преферанс – это интеллигентная игра и в него играют даже женщины, потому призывал к воздержанности и ответственности. Засиживались до глубокой ночи. По характеру игры можно было определять характер и темперамент каждого из игроков. Наиболее расчетливым и сдержанным был младший сын, Иван. Средний, Игорь, порой допускал необдуманные риски и делал неверные ходы. Старший сын все время рисковал, играл «в темную», порой добивался заметного выигрыша, но, в конечном итоге, крупно проигрывал. Глава семейства, Павел Иванович, играл не спеша, рисков не позволял, у него было меньше всех вистов, зато и «горка» была невысокой. Когда начинали играть, назначали цену, например, копейка за вист. При таком размере, даже при плохой карте можно было проиграть не больше трех рублей. К концу игры, чаще всего, Олег крупно проигрывал, все больше рисковал и в очередной раз проигрывал. Порой выигрыш достигал десяти рублей. Понимая безнадежность своего положения, Олег резко вскакивал, хватал «пульку» и рвал ее на мелкие части. Все. Игра закончена. Младшие братья бурно выражали порицание, отец лишь качал головой. На шум выходила разбуженная Ольга Григорьевна и начинала выговаривать свое недовольство. Больше всех доставалось Павлу Ивановичу за то, что он не только научил детей этой карточной игре, но и часто потворствовал этому. Кончалось тем, что отец семейства посылал всех куда подальше и отправлялся спать. После такого скандального финала семья вновь не скоро собиралась за круглым столом.

Однажды братья решили оформить свой союз в виде некой организации. По идее старшего организацию следовало назвать «хурал» или «большой хурал». В его состав входили не только три брата, но и некоторые из их друзей, естественно, наиболее приближенные к ним. Таких оказалось двое. Евгений или Джей был другом Олега. Они в свое время вместе работали на ЗИЛе и теперь продолжали общаться. Он часто приезжал на Сивцев-Вражек и подолгу засиживался в доме Белецких. Валерка был приятелем Ивана, он жил в том же доме и тоже частенько заходил в гости к Белецким. Порой, они все вместе пили чай и обсуждали перспективы развития их союза.

Прежде всего, они присвоили друг другу звания. Олег, как старший в «хурале», был «Хан», Джей – «князь», Игорь взял титул «барона». Валерке достался «Принц», ну а Иван почему-то получил титул «Экселенс». Что это такое он тогда не знал. Догадывался, что и другие члены «хурала» тоже не знали. Так они заседали, строили планы привлечения в «хурал» других членов, появлялись финансовые интересы для членов «хурала» в виде членских взносов. Разрабатывались проекты членских билетов, но дальше дело не пошло. Пришла весна, и она твердо предъявила свои права на владение душами и сердцами молодых людей. Все больше братья и их друзья оставались под вечерним небом арбатских переулков, испытывая на себе душевное томление и первые теплые порывы весеннего ветерка. Наступала пора увлечений, влюбленности и желаний.

Глава 2. Весна идет

Неизвестные до сих пор томления души мешали Ивану заснуть. Он вдруг вспомнил свою первую влюбленность и свой первый сексуальный опыт. Это было прошлым летом в Полтаве. Её звали Женей. Их познакомил его родственник Петр на танцах, куда они ходили вечерами время от времени. Танцы на стадионе – это и развлечение, и возможность познакомиться с девушками, если получится. Она была старше его на пару лет, в тот год уже окончила школу и еще не знала, что ей делать дальше. Женя не была красивой, но молодость и стройность фигуры делали ее соблазнительной. На предложение Петра познакомиться с московским мальчиком она с охотой согласилась, тем более что в ту пору ни с кем не встречалась. Позже они часто бывали на танцах или просто ходили гулять в лески, простиравшиеся густой растительностью вдоль прибрежной зоны реки Ворсклы. Вечером там было пустынно, а потому и приятно проводить время с милой девушкой. Их отношения ровные и плавные не отличались особым любовным пылом, что, казалось, Женю вполне устраивало, но Ивану хотелось большего. Он чувствовал, что его подруга могла бы ответить взаимностью, будь он более опытен и настойчив, но Иван не знал, как к этому подступить. На помощь пришел Петро. Он был старше Ивана на три года и уже имел какой-то сексуальный опыт. Было решено устроить пикник на берегу Ворсклы, когда совсем стемнеет, с ночным купанием и может быть раздеванием.

Организацию пикника взял на себя Петр. Он получил согласие принять участие в ночном купании у девочек, купил бутылку водки и все отправились на берег реки. Устроившись уютно под густой кроной деревьев, они распили половину бутылки, причем, большую часть водки выпили парни, особенно Петр. Потом они разошлись друг от друга на расстояние, чтобы скрыть свою наготу от соседней пары и приступили к ночному купанию. Светила луна и черное украинское небо было сплошь усеяно звездами, так что еще до погружения в воду можно было видеть обнаженное девичье тело. Купание, плескание, объятия и поцелуи – все это привело в восторг купальщиков. Через некоторое время они вышли из воды, а надо сказать, что она была достаточно прохладной, слегка оделись и Петр предложил допить оставшуюся водку, что они и сделали. Затем Петр со своей подружкой отошли за соседние заросли ивняка. Иван хотел было продолжить любовные игры, но здесь случилось непредвиденное. Все пространство закружилось в его голове. Он едва успел отскочить от Жени, как его вырвало. Рвота была мучительной и продолжительной. В конце концов, обессиленный Иван вернулся к Жене.

«Прости меня. Я не знаю, что со мной произошло. Может быть это от водки», – едва слышно пробурчал он. Ему было стыдно и не хотелось признаваться, что он еще не умеет пить. Ведь его претензии походили на взрослого человека, ведь он добивался от Жени любви. «Все кончено, – подумал Иван, – больше они не будут встречаться». Но Женя была доброй, простой и сердечной девушкой. Она, как могла, утешила его. «Успокойся, все это чепуха. Ты мне все равно нравишься, и я хотела бы быть с тобой», – прошептала она почти на ухо, целуя его. Так бесславно для Ивана закончился пикник с ночным купанием. Какие были успехи у Петра, осталось тайной.

Прошло несколько дней, и они вновь встретились. Во дворе вечерами устраивали танцы, звучала радиола, а «Голос Америки» передавал джазовую музыку. Слабое освещение от уличного фонаря, танцующие пары, тихая музыка – все это создавало интимное настроение, и расходиться раньше времени не хотелось. Однако, после пикника, когда Женя пришла домой под утро, ее мама сделала ей внушение, потребовав, чтобы впредь она возвращалась домой до одиннадцати вечера. По этому поводу Иван в своем дневнике сделал запись: «Теперь мы расстаемся, когда не все звезды на небе успели зажечься и ни одна из них не погасла». Прощания были жаркими. Во дворе пятиэтажки, где жила Женя, под высоким деревом они долго и горячо целовались. Иван ласкал ее, и она отвечала взаимностью. Казалось, что приближается вершина

их любовных отношений, и вот однажды в подобный вечер они продолжили свои горячие ласки на ближайшем пляже, прямо на песке. Светила луна и было достаточно светло, но ничто уже не могло остановить влюбленных. Это была взаимная страсть. Женя отдалась Ивану, и тот ощутил не знакомые ему ранее тепло и сладость. Хотелось, чтобы это никогда не кончалось, но природа берет свое. Сразу наступила тишина, и только сердце неистово стучало. Прошло некоторое время, Женя все еще лежала под ним и мягко целовала его лицо и губы. Иван вновь испытал желание продолжить любовные игры, но в эту минуту справа, метрах в тридцати скрипнула калитка, и на пляж вышел какой-то субъект с ведром в руке. «Что ему нужно в такое время? – подумал Иван, – неужели идет к реке за водой, будет поливать огород. Это-то ночью?!» Иван сообразил, что мужчина может их заметить, и, испытав неловкость своего положения, освободил Женю. Та проворно встала и побежала к воде. «Неужели топить?» – подумал Иван. Он тогда еще не знал, что от этого женщины не топят.

Потом они встречались пару раз: один раз у нее дома и другой раз в поле, оба раза в дневное время. Конечно, вновь было тепло и сладко, и Ивану казалось, что он любит Женю и не надо никакой другой. Он даже говорил ей об этом. Но вскоре наступило успокоение, сменившееся прохладой. В результате оставалось чувство удовлетворения. Возможно, позже это чувство вновь превратилось бы в горячее желание близости, но следующего случая не произошло. Иван встретил другую девушку и эта другая, яркая и красивая захватила его целиком. Он как-то сразу забыл про Женю, про теплоту и ласки, которые были у них. Они больше не встречались. Странно, но Иван даже не подумал о том, что так поступать с женщиной нельзя. Все отодвинулось на задний план, ушло в прошлое, и впереди было несравненно яркое и сильное влечение. Такую девушку он раньше не встречал. Наверное, скидку можно сделать на молодость Ивана, тогда ему еще не было шестнадцати и все, что с ним произошло, произошло впервые.

И вот теперь всю прошедшую долгую зиму он ждал писем от Аллы. Они приходили не регулярно и потому измучили Ивана вконец. Когда их долго не было, он начинал думать, что Алла увлеклась кем-то другим, что вполне возможно. Она была красавицей, училась в театральном училище, уже достаточно зрелая девушка и вполне могла полюбить кого-то. Потом приходило долгожданное письмо, где Алла с надрывом объясняла ему, как тяжело ей одной без него, ее любимого мальчика, как скучает она по его ласкам, рукам и губам. Писала также, что однажды у нее был нервный срыв, и она рассорилась со своими друзьями, нагрубила преподавателю. Ей пришлось даже обратиться к врачу, после чего она поняла, что всему виной – ее любовь к нему, Ивану.

Вспомнив все это, Иван подумал, что скоро лето, и он вновь поедет в Полтаву и там наверняка встретит Аллу. Может быть, даже их близость достигнет своей вершины. О! Какое это было бы блаженство! Но это все потом, а сейчас ему остается только пребывать в своих мечтах.

Василий, одноклассник и приятель Ивана, как то пригласил его к своей подружке. Наташа, красивая брюнетка, училась тоже в 10-м классе, но в другой школе. Василий рассказывал, как они сблизились и сейчас живут как муж и жена. Он расспрашивал Ивана, знает ли он, что это такое, было ли у него с какой-нибудь девушкой так, как у Василия с Наташкой? Иван в ответ лишь кивал головой, но в подробности не вдавался. Он считал, что такое таинство не подлежит огласки. Как-то Василий пригласил Ивана в гости к Наташе, и намекнул на то, что там будет ее подружка, очень интересная девушка, и что знакомство с ней может оказаться перспективным в плане любовных отношений.

Подружку Наташи звали Мариной. Она была старше Ивана года на два. Школу она окончила в прошлом году и сейчас работала на почте. Ее нельзя было назвать красивой. С некоторых пор Иван расценивал девичью красоту в сравнении с красотой Аллы. Далеко не многие могли дотянуть до такой высокой планки, даже Наташка, хотя Василию она очень нравилась.

Родителей Наташи дома не было. На столе появилась бутылка портвейна и яблоки в вазе. Потом включили радиолу, и зазвучала модная мелодия. Иван пригласил Марину танцевать. Василий и Наташа, расположившись на тахте, наблюдали за ними. Время от времени Василий целовал Наташку в губы. Иван обнимал в танце Марину, что-то нашептывал на ухо. Та улыбалась и как бы невзначай прикасалась своими губами к его щеке, шее, потом к губам. Ивана несколько смущало то обстоятельство, что Марина была на пару лет старше его, но близость упругого тела девушки и ее нежные поцелуи все больше возбуждали его. «В конце концов, – подумал Иван, – и Алла старше его почти на два года». Иван стал смелее обнимать девушку, крепко прижимая ее к себе. Василий и Наташка вышли в другую комнату и закрыли за собой дверь. Иван поцеловал Марину в губы, раз, потом другой. Она ответила горячим поцелуем, и они вскоре заняли то же место на тахте, где только что были Василий и Наташка. Иван ласкал Марину, и та разрешала ему эти милые ласки и поцелуи, сама почти теряя сознание от любовной страсти, вспыхнувшей в ней. Но пришла пора уходить. Иван проводил Марину. Жила она в старом одноэтажном доме в Кривоарбатском переулке. Марина предложила ему зайти к ней, познакомиться с мамой. Иван не нашел причины отказаться, хотя с мамой знакомиться ему почему-то не хотелось. Когда Марина пошла на кухню готовить чай, Иван остался один в большой комнате. Он слышал, что Марина о чем-то оживленно беседует с мамой. Иван догадался, что, скорее всего речь идет о нем. Мама что-то выговаривала своей дочери, но та не соглашалась. Иван подошел ближе к двери, взял пластинки и стал разглядывать их.

– Но ведь он еще совсем мальчик. Ты посмотри на него получше, – говорила мать Марины, – да я согласна, что он очень хорошенький, я бы даже сказала, что красивый мальчик. Но ты подумай, подходит ли он тебе? Ты не такая красивая, как он и это существенное различие. Тебе будет трудно с ним.

– Мама, о чем ты говоришь? Ты что, собираешься меня выдать за него замуж? Мы только сегодня познакомились. И никакой он не мальчик. Этим летом он заканчивает школу. Пойдет учиться в институт.

– Вот-вот. Он будет учиться, а ты будешь на него работать. Тебе бы тоже хорошо пойти учиться в институт или хотя-бы в техникум.

– Мама, мы это обсудим в другой раз. Пойдем пить чай.

После чая Марина проводила Ивана и, задержавшись у подъезда, они вновь стали горячо целоваться. Было совсем темно и безлюдно в этом узком арбатском переулке, и никто не мешал им предаваться любовным ласкам. Ивану очень нравились эти сладкие поцелуи и то, что Марина с такой страстью тянется к нему.

– Послезавтра мама уезжает, и я буду дома одна. Приходи ко мне в гости на чай. Я очень хочу быть с тобой. Пойми меня правильно. Я сама не знаю, что со мной происходит. Просто, я сошла с ума. Мне так хорошо с тобой. Это наверно должно было случиться, вот и случилось.

– Мне тоже очень хорошо с тобой. Такие сладкие поцелуи, даже голова кружится. Я обязательно приду, и мы будим вместе долго, долго.

– Да, очень долго. И субботу и воскресенье. Я хочу быть твоей.

В субботу Иван пришел к Марине в шесть часов. Та, вернувшись с работы, успела принять душ, была свежая и привлекательная. На кухне только что созрел чай и на столе в широкой тарелке лежали пирожные. Это Иван прихватил их в соседнем магазине. Пили чай с замиранием сердца в ожидании предстоящего. Ни он, ни она не знали с чего начать.

– Давай послушаем музыку, потанцуем, – предложила Марина. Это был правильный ход к сближению. Во время танца ближе ощущаешь тело партнера, легче получить поцелуй.

Первый танец завершился неожиданно быстро. Марина, не выдержав страстного порыва, прильнула на грудь Ивана, расстегивая пуговицы на его рубашке. Иван повторил эти движения на блузе девушки. Марина увлекла его в другую комнату, где стояла высокая кровать с боль-

шими подушками. Она быстро разобрала постель и полностью разделась. Иван последовал ее примеру. И вот они уже в постели, совершенно обнаженные, в плену волнующих ощущений при соприкосновении друг с другом. Иван ласкал и целовал ее, и вскоре Марина застонала от нетерпения.

– Иди ко мне, прошу тебя, не мучай меня больше, – и потом, когда Иван проявил достаточно активности, попросила тихо, – пожалуйста, нежнее, я еще девушка.

Иван старался быть нежным, но все равно почувствовал в один момент возникшее напряжение тела Марины. Она издала звук, похожий на удивление, после чего крепко обняла его и стала тихонько целовать и покусывать шею. Активность Ивана нарастала, и это придавало ей новые ощущения сладости и любви, сдержатъ которые не было сил. Это представилось как бесконечность блаженства, глубокий омут, в который она готова была провалиться.

Марина утратила ощущение времени, а когда очнулась, поняла, что все это ей подарил Иван.

– Боже мой, какое блаженство, – прошептала она, открыв глаза, – я, кажется, провалилась куда-то и не хочу возвращаться. Поцелуй меня, любимый. Так, еще и еще. Не уходи, давай продолжим.

Иван попробовал сделать так, как просила Марина, и это у него получилось. Он снова почувствовал сладость во всяком своем движении, и стремление к новым ощущениям. Был момент, когда им казалось, что они слились воедино и этому не будет конца. Они не могли бы определить, как долго продолжалась их близость, но когда и ей пришел конец, Марина попыталась освободиться от объятий Ивана.

– Позволь, дорогой, мне нужно в душ.

Иван освободил Марину из своих объятий и откинулся на спину. Да, пожалуй, тогда ему не было так сладко. Марина, это чудо, она такая страстная и горячая. С Женей все было немного проще и не так сладко. Постепенно огонь угасал, и наступала проза. Марина занялась своими делами, а Иван, выйдя из душа, облачился в свою одежду. Марина набросила на себя халатик и вновь вскипятила чай. Хотелось пить. Вновь началось чаепитие, страсти постепенно улеглись, и теперь нужно было о чем-то поговорить. Ни он, ни она не знали, что следует сказать друг другу после горячей любви. Говорить о том, как это было сладко, не хотелось. Обсуждать случившееся с жизненных позиций, тем более. Они молчали. Потом Марина вновь привлекла его на постель.

Этим вечером Иван вернулся домой за полночь. Он тихо прокрался к своему дивану, стараясь никого не разбудить, скинул с себя одежду и нырнул под одеяло. Он не знал, что его мама не спала до его возвращения, ждала и беспокоилась за своего младшенького сыночка. Где он был, с кем, что делал? Засыпая, она твердо решила завтра поговорить с Иваном. А Иван, засыпая, не знал, что проведенный с Мариной вечер любви не остался без следа: на его шее в двух местах были две синих метки от поцелуев девушки.

Утром следующего дня в воскресенье Ольга Григорьевна не нашла удобный случай, чтобы расспросить Иван о вчерашнем вечере, а потом после обеда Иван опять ушел куда-то, сказав лишь, что вернется поздно.

– Не забывай, что завтра понедельник и надо идти в школу, – напомнила ему мать.

– Не беспокойся мама, я все помню. Буду в одиннадцать.

Он спешил на Кривоарбатский переулок. Попросил у старшего брата два рубля и зашел в магазин «Диета», что на углу Арбата и Плотникова переулка. Купил бутылку портвейна для встречи с Мариной. Идти к любимой девушки с пустыми руками он считал неприличным. Кроме того, ему и самому хотелось отметить это событие, происшедшее вчера между ним и Мариной. Сейчас он почти был уверен, что это и есть любовь. Его влекло к этой девушке с непреодолимой силой. Теперь уже не девушке, а юной женщине. И он ответственен за ее превращение. Интересно, что его ждет в ее доме? Как она встретит его?

Марина встретила Ивана с легким упреком.

– Тебя так долго не было. Я уже не знала, что делать. Может быть, ты после вчерашнего разлюбил меня и больше не хочешь видеть.

– Глупенькая, как ты могла такое подумать. Я весь день только и думал о тебе. Я наверно тоже полюбил тебя. Вот, смотри, – он передал ей бутылку портвейна, завернутую в пакет, – давай отметим нашу первую любовную встречу.

Отмечали, но не долго. Им обоим не хотелось тратить время впустую. Они вновь придались любовным утехам, но теперь уже не как вчера, а по настоящему, по-взрослому. Иван завладел Мариной, дерзко и настойчиво, хотя и нежно. Ему вновь было хорошо, даже может быть еще лучше, чем вчера. Марина тоже не могла сдерживать свой восторг, вновь целовала его в губы и шею. Иван едва успевал напоминать ей, чтобы она не оставляла следов. Как и обещал, Иван вернулся домой в одиннадцать.

На следующей неделе Василий спросил Ивана, как его дела с Мариной.

– Полный порядок, – ответил Иван.

– Поздравляю, рад за тебя. Она хорошая девушка.

Глава 3. Цветущий май

Иван на неделе заходил к Марине на работу, справлялся как ее дела, как мама. Та была явно чем-то расстроена. Она сказала Ивану, что ее мама как будто догадывается об их отношениях, она сменила график работы и теперь все ночи остается дома. Так что встречаться им теперь нигде. И чтобы рассеять подозрения мамы, просила Ивана заходить к ним вечерами на чай. Но Иван ссылаясь на большую загруженность в школе и не очень спешил в гости к Марине. Был как-то раза два, но всякий раз мама оставалась на кухне. А когда Марина провожала Ивана, их поцелуи у двери уже не были такими горячими, как в первый вечер.

Приближался Первомай – радостный весенний праздник всего советского народа. В столице многие выходили на первомайскую демонстрацию или просто собирались на площадях, где звучала музыка и различные «свистюльки», продавалось мороженое и петушки на палочке. А вечером молодежь собиралась компаниями у кого-либо на квартирах, сервировали праздничные столы, выпивали, закусывали, танцевали и, конечно, целовались. Но с кем? Поэтому, чтобы не остаться в одиночестве, многие парни заранее обговаривали возможность совместного проведения праздника с девушками. Те, в свою очередь, тоже стремились обзавестись парнями, причем, хорошими и приличными.

В «хурале» возникло предложение провести Первомай с девчонками, у которых была «буча». Так они называли свое сообщество, чем-то напоминавшем «хурал». Этих девчонок объединяла дружба с детских лет, проживание по соседству друг с другом и учеба в одной и той же школе. Еще зимой Иван познакомился с одной из них на катке в парке Горького, потом перезванивались (благо, у Ивана на квартире был телефон), но до личных встреч и свиданий дело не доходило. И вот сейчас настал час организации первомайского застолья. Квартиру предоставлял Альберт. Совсем недавно его отец получил новую трехкомнатную квартиру на Филиях, они покинули Сивцев-Вражек и обустроились там. На праздник родители Альберта и его младшая сестренка уехали к своим друзьям, оставив квартиру молодым ребятам. Те, в свою очередь, обещали быть аккуратными и не испортить новую мебель. Ответственность за все взял на себя Олег, как старший из «хурала».

Девчонки из «бучи» приехали во время и прихватили с собой заранее приготовленную закуску. Вино, водку и коньяк обеспечивали парни. В компанию входили четыре пары: три брата с Арбата и Альберт, хозяин квартиры, и четыре девчонки. Все они были хороши собой, а тут еще праздничные наряды. Парни тоже приоделись должным образом. Иван рассчитывал на то, что с ним будет Лида, красивая девушка с голубыми глазами и пепельного цвета волосами, поскольку именно с ней он познакомился на катке и потом перезванивался несколько раз, но получилось по-другому. Лида была старшей в «буче», и ей вдруг сразу понравился Олег, который тоже был старшим в «хурале». Иван не мог составить конкуренцию Олегу, уже взрослому мужчине, и потому принял объяснения Лиды по поводу ее выбора. Зато она тут же предложила Ивану другую красивую девушку, которую звали Тамара. Выбор был не случаен, так как Иван при встрече сразу понравился Тамаре и тот не хотел огорчать девушку. Он согласился быть с ней весь вечер, ухаживать за ней и танцевать. Поцелуи были позже, когда стемнело и начал действовать выпитый коньяк. А пока молодые люди произносили поздравления с праздником, звенел хрусталь, искрилось вино, поедались закуски. У Альберта уже тогда был новенький магнитофон «Астра», и он сумел подготовить хорошие записи, пригодные для танцев. И вот Иван танцует с Тамарой, высокой и гибкой девушкой в нейлоновой блузе белого цвета, сквозь ткань которой просматривалась пышная грудь. Иван к тому времени уже научился немного обхаживать девушек, говорить им полупшепотом лестные слова, от которых постепенно начинала кружиться голова. Тамара хотела верить тому, что ей нашептывал Иван. Ей нравился этот красивый парень, и она хотела нравиться ему. Он держал ее за тонкую талию,

так что грудь девушки все смелее прижималась к груди Ивана, отчего у Тамары возникало сладкое чувство близости, и губы сами по себе тянулись к губам Ивана. Но целоваться здесь, в комнате, в присутствии всех, было неудобно, и молодые люди незаметно покинули квартиру. Недалеко от подъезда был палисадник, и пара лавочек приглашала их к себе. Разместившись на них, Иван и Тамара предались к долгожданному занятию – поцелуям. Они не просто целовались, но жарко обнимались. Иван дал волю своим рукам, и Тамара не сдерживала его ласк. Так прошел час или два, пока вышедшие на их поиски Олег и Лида не пригласили влюбленную парочку в квартиру. Когда Иван и Тамара покинули свою лавочку, их место заняли Олег и Лида, вероятно тоже созревшие до поцелуев. Ночью не спали. Медленно танцевали под тихую и мелодичную музыку, а когда совсем устали, разместились на двух диванах, тесно обнявшись друг с другом. Постепенно сон сморил все пары, и проснулись они лишь с рассветом, когда солнце проникло сквозь легкие тюлевые шторы. Позавтракали с остатками вина и коньяка, помыли посуду, все убрали по своим местам. Так спокойно завершился праздник Первомая на совместном заседании «хурала» и «бучи». Прощаясь, они говорили друг другу «До встречи», не зная, встретятся ли еще в таком составе?

Вечером приехал Джей, пришел Валерка и решили продолжить праздник, но уже в мужской компании. Валерка был несколько обижен на своих товарищей по «хуралу» за то, что они оставили его одного на праздник. Но ему объяснили, что для него не нашлось девчонки, а без нее быть в компании – это как бельмо на глазу, всем портить настроение. Зато сейчас ему уделили должное внимание и пообещали, что в следующий раз что-нибудь придумают.

За праздничной суетой Иван совсем забыл о Марине. Он даже не зашел к ней на почту и не поздравил с наступающим праздником. Это вызывало в нем чувство вины и досады на себя. Иван увидел Марину сразу, как только вошел в помещение почты. Она сидела в служебном секторе и перебирала какие-то пакеты. Подошел к стеклу и сделал знак рукой, раз, второй. Марина была занята своим делом и не обращала на него внимания. Иван молча наблюдал за подругой. Что-то изменилось в ней, но что именно, он сразу понять не мог. Ему показалось, что она заметно похорошела или лицо слегка округлилось. Зеленого цвета платье с белым воротничком придавало ее внешности служебную строгость. Он решил, что она просто повзрослела, стала женщиной, а была девчонкой. Здесь Марина подняла голову и увидела Ивана. Улыбнувшись ему, она проворно встала из-за стола и вышла в общий зал.

– Привет, – взяла она его за руку, – и давно ты так стоишь и смотришь на меня?

– Давно, наверно минут пять. Смотрю и люблюсь. Ты стала какой-то другой, повзрослела и похорошела.

Марина кокетливо повела плечами и на мгновение припала к нему своей грудью. Иван вздрогнул. Это было так неожиданно и приятно.

– Как прошли праздники? – поинтересовался Иван.

– Обыкновенно. Мы с мамой ездили к нашим родственникам, и там я познакомилась с интересным мужчиной. Он друг нашей семьи, инженер. Весь вечер ухаживал за мной.

Говорила ли Марина правду или нарочно разыгрывала его, чтобы подзадорить, вызвать чувство ревности?

– Я рад за тебя и что это у вас серьезно? Вы еще встречались?

– Не знаю, насколько серьезно, там видно будет. Но мы пока не встречались. Он обещал заехать, как ни будь, вечером. Главное, он маме понравился. Говорит, что он хорошая пара для меня.

– Не то, что я, так ведь?

– Ну, зачем ты так? О тебе вообще не шло речи. Ведь ты не можешь быть мне женихом, а мне уже девятнадцать скоро и пора думать о замужестве. Тем более, я теперь уже не девушка.

– А я хотел пригласить тебя в кино на «Три мушкетера». Теперь не знаю. У тебя такое настроение, что мне, скорее всего, стоит тихо удалиться. А ты вечером расскажешь своей маме, как «отшила» меня. Мама будет довольна.

– Перестань, Иван. Я с удовольствием пойду с тобой в кино, если ты, конечно, пригласишь меня.

– Ну, вот совсем другой разговор. Пойдем завтра на семь часов? Я зайду за тобой домой или не стоит? Может, лучше встретимся в половине седьмого на углу у «Диетки»?

– Как хочешь. Давай встретимся на углу.

Что-то недоброе произошло между Иваном и Мариной. Уже нет того сильного влечения, что было месяц назад, их разговор скорее напоминал беседу старых товарищей, чем влюбленных молодых людей. Настроение Ивана постепенно скатывалось с крутой горки. Даже просмотренная веселая французская кинолента не улучшила его, и медленный спуск продолжался. После фильма Иван проводил ее до подъезда дома. Уже стемнело, они стояли у двери и тихо беседовали. Никто не проявлял взаимного влечения друг к другу. Минут через десять – пятнадцать входная дверь открылась и на пороге появилась мама Марины. Она строго позвала дочь домой, сказав при этом, что не прилично стоять в темноте с молодым человеком. Марина попрощалась с Иваном, и он, ни говоря, ни слова, направился в сторону Сивцев-Вражека. Иван был обижен на мать Марины и рассержен на ее дочь. «Ведь не девочка уже, могла бы возразить своей мамаше», – думал Иван, возвращаясь, домой. При этом у него созревала мысль расстаться с Мариной.

Через несколько дней он все же заглянул на почту. И здесь его ожидал сюрприз: у окна в общем зале стояли Марина и какой-то незнакомый Ивану мужчина лет двадцати пяти. Они о чем-то оживленно беседовали. Марина не видела вошедшего Ивана, и это было лучше: избавляло от каких-либо объяснений. Иван, между тем, устроился за широкой тумбой у стола, взял первый попавшийся почтовый бланк и стал заполнять его. Из-за тумбы он с любопытством наблюдал за Мариной и ее кавалером. Тот был среднего роста, худощав, с волосами, гладко зачесанными на затылок. Костюм на нем был свето-серого цвета. Лица Иван разглядеть не мог, так как мужчина стоял к нему спиной. Исписав почтовый бланк, Иван скомкал его и выкинул в корзину, стоящую неподалеку от него. Он решил покинуть свой наблюдательный пункт и потихоньку вышел на улицу. Перейдя Плотников переулок, он подошел к газетному стенду и сделал вид, что разглядывает его. Иван подумал, что беседа Марины с ее ухажером не может долго продолжаться в служебное время, что тот скоро должен выйти на улицу. Ивану очень хотелось рассмотреть его, увидеть лицо того, на кого она променяла Ивана. Действительно, мужчина вышел из дверей почты и сразу повернул налево, на Арбат. Так Иван толком ничего не увидел, повернулся и пошел в свою сторону.

Пришла пора майского цветения. В скверах и парках пышно расцвела сирень. Клумбы у памятника Гоголю покрылись тюльпанами разных цветов. Налилась яркой зеленью листва на деревьях и кустарниках. В воздухе распространялось очарование весны. Как-то ближе к вечеру в квартире Белецких раздался телефонный звонок. Иван взял трубку. Приятный девичий голос спросил Ивана Белецкого.

– Я у телефона, слушаю вас.

– Здравствуйте, меня зовут Аня Ларина. Ваш телефон мне дал Игорь, я с ним познакомилась на школьном вечере в прошлую пятницу. Вы ведь тоже там были, правда?

– Да, я был там немного, но скоро ушел.

– Я хотела к вам подойти и познакомиться, но не успела. Вокруг вас все время крутились девчонки. А теперь я хотела бы исправить эту незадачу, хотела бы с вами встретиться, познакомиться. О нас уже много говорят на Арбате, а мы даже не знаем друг друга.

– Что ж, давайте исправим эту незадачу. Я готов с вами встретиться хоть сегодня.

– Прекрасно, тогда в восемь у памятника Гоголю. Я буду сидеть на лавочке, если приду раньше вас.

– Договорились, – и Иван повесил трубку. Аня Ларина, он что-то слышал о ней. Кажется, Игорь ему говорил что-то.

Ровно в восемь он подошел к памятнику Гоголю. Огляделся вокруг и заметил на лавочке сидящую девушку. Голубое платье, светлая головка и милое личико выглядели весьма привлекательно. В руке девушка держала ветку сирени. Увидев подошедшего Ивана, слегка помахала ею и улыбнулась. Иван понял, что этой девушкой была Аня. Он приблизился к ней и спросил:

– Вы Аня Ларина?

– Садитесь, пожалуйста, – кивнула светлой головкой милая девушка, – ведь вы Иван Белецкий. Что ж, будем знакомы.

– Анна, не стану скрывать, я рад нашему знакомству и, надеюсь, мы оба получим удовлетворение от него, – начал Иван для знакомства свою речь, усевшись рядом с девушкой и слегка прикоснувшись к ней рукой, – но сперва мне хотелось бы узнать, почему вы решились на предложение знакомства? Может, кто посоветовал вам и как вы вообще узнали о том, что я существую?

– Все очень просто. Жить на Арбате, и не знать о братьях Белецких было бы странно или глупо. А тем более ничего не знать о младшем из братьев, то есть о вас. Все девчонки только и говорят о ваших похождениях и успехах среди женского пола. В тот вечер на школьном балу я разговаривала с Майей Серебровой и Инной Седых, вы их наверняка знаете, и они меня познакомили с Игорем, вашим средним братом. Потом я попросила у него разрешения познакомиться с вами, его удивила такая просьба, и он сказал мне, что вы достаточно взрослый человек и можете знакомиться с кем хотите. Вот тогда я и позвонила к вам. Я рада, что вы согласились прийти ко мне на свидание. Ведь это наше первое свидание, не так ли?

Потом их разговор перешел на предстоящие планы. И Анна, и Иван были на пороге окончания школы и начала самостоятельной жизни. Вполне естественно, что эта тема была выбрана ими среди прочих. Оказалось, что Аня готовится к экзаменам в Университет на факультет журналистики, у нее есть два опубликованных очерка в молодежной газете, есть друзья из студентов этого факультета. Иван поведал о своих планах на ближайшее будущее. Он рассказал, что мечтает поступить в литературный институт и у него тоже есть два рассказа, один из них он написал, когда ему было двенадцать лет. Сейчас он пишет повесть, и отдельные куски показывал знакомому сотруднику из «Комсомольской правды». Получил одобрение и рекомендовал показать их приемной комиссии в литературный институт.

– Как хорошо у нас получается: вы – писатель, а я – журналистка. Хорошая будет семейка, правда?

– Семейка? – с удивлением переспросил Иван.

– Это я так, пофантазировала немного и забежала вперед.

Так они просидели часа полтора, пока не стало смеркаться, и не зажглись фонари. Ивану было приятно сидеть рядом с этой милой девушкой, с которой так легко находилась тема для беседы. Пару раз мимо них проходили знакомые Ивана, девчонки из соседнего класса. Узнав, кивали головой и улыбались. Ивану показалось, что в этих улыбках была некоторая ирония, связанная с тем, что Иван сидел рядом с Анной.

– Вы знаете тех девчонок, что сейчас прошли мимо нас? – спросил Иван Аню.

– Нет, первый раз вижу. А кто это?

– Так, девчонки из соседнего класса. Интересно, а они вас могут знать?

– Если знают, то уже завтра на Арбате распространится новость, что Иван Белецкий встречается с Анной Лариной. И может быть даже больше. Может, пойдем отсюда, а то мы здесь под этим фонарем у всех на виду. Мы даже не знаем, сколько заинтересованных глаз уже видели нас.

– Я на это смотрю спокойно. Разве мы нарушаем какие-то законы или заповеди, разве нам запрещено встречаться, даже целоваться, если мы захотим. Впрочем, пойдем, если вы хотите.

Они пошли вдоль Гоголевского бульвара, пересекли проезжую часть у здания Генерального штаба и вошли в тихий безлюдный переулок. Аня взяла Ивана под руку и крепко прильнула к нему.

– Я живу на Лебяжьем переулке. Знаешь, где это?

Иван пожал плечами.

– Пойдем, покажу свой дом.

Перейдя Волхонку, они вышли к Лебяжьему переулку. На углу стояла группка парней, они о чем-то оживленно беседовали и Ивана с Аней проводили безразличными взглядами. Обычно такие встречи не проходили обойтись без эксцессов. Наверняка, парни знали Аню и могли ревностно отнестись к провожающему ее, могли сказать грубости, даже оскорбить или попинать немного. Такое в переулках Арбата было не редко. Но Лебяжий переулок – это уже не зона Арбата, а Аня наверно пользовалась здесь уважением.

– Вот мой дом. Я живу на четвертом этаже с бабушкой. Мои родители сейчас за границей в долгосрочной командировке. И мы с ней вдвоем ведем хозяйство. Проводишь меня до квартиры?

Поднялись на четвертый этаж. Остановились на площадке, куда выходили две массивные двери. Одна из них вела в квартиру, где жила Аня со своей бабушкой.

– Ты любишь джазовую музыку? – вдруг Анна спросила Ивана, облокотясь на перила лестницы. – Мне обещали два билета на Макса Грегори. Ты слышал про такого музыканта?

Иван несколько опешил от того, что Анна так просто перешла на «ты», а ее вопрос о джазе и конкретном музыканте поставил Ивана в тупик. Он не знал, что ответить девушке, потому, чтобы выиграть время, привлек ее к себе, взяв за плечи и талию. Он посмотрел ей в глаза и не увидел в них отчуждения или протеста. Нежно прикоснулся губами к ее личику, ушку, шейке. Аня как-бы затаила дыхание, потом сама прильнула к нему и поцеловала в губы. Они продолжали обмениваться поцелуями при этом, испытывая сладостное чувство свежести, которое всегда сопровождает первые поцелуи.

– Ты не ответил мне о Максе Грегори? – отступив на полшага, спросила Анна. – Так мне брать билеты?

– Братъ, – решительно ответил Иван и вновь привлек ее к себе. Поцелуи продолжались, причем с каждым последующим они были горячее и продолжительнее. Иван обнимал и гладил ее и чувствовал, что Аня тоже испытывает всю сладость этих поцелуев.

– Ну, вот. Теперь мы оправдали слухи, которые ходили вокруг нас. Мне рассказывали, что у нас с тобой такая близость, которая только может быть между мужчиной и женщиной, а мы с тобой даже не целовались ни разу.

– И даже не были знакомы, – с улыбкой добавил Иван и вновь поцеловал девушку.

Через день они встретились у метро «Библиотека Ленина» и направились в сад ЦДСА, где на эстраде под открытым небом давали концерт джаз-оркестра из ФРГ. О Максе Грегори Иван раньше ничего не слышал, но его оркестр звучал красиво и оставил самое приятное впечатление у слушателей. Иван благодарил Анну за то, что она доставила ему такое удовольствие, пригласив на концерт джазовой музыки. Он все больше влюблялся в эту светловолосую кареглазую девушку, столь охотно отвечавшую на его ласки и поцелуи. Они вновь задержались на лестничной площадке четвертого этажа у дверей квартиры Анны допоздна. Теперь уже Аня позволяла ему больше. Возвращаясь домой тихими переулками, он думал о ней. Ему вдруг пришла мысль, что она – самая красивая девушка на свете и Иван был счастлив, что повстречался с ней. Сейчас он уже не вспоминал о Марине, и недавняя близость с ней показалось нереальной, как будто это было вовсе не с ним или очень давно, а не пару месяцев назад. Он на миг вспомнил Аллу из летней Полтавы, черноволосую красавицу и понял, что Аня ничуть

не хуже ее. Вот кого стоит любить и добиваться ответной любви. Через день они договорились пойти на вечер современной поэзии в «Дом журналистов» на Суворовском бульваре.

В этом старинном приветливом особняке часто собирались начинающие писатели, поэты и журналисты. Они знакомились друг с другом, делились своими достижениями, обсуждали последние литературные новинки. Сюда приходили и уже состоявшиеся мастера литературного творчества. Нередко здесь можно было увидеть и Евгения Евтушенко и Беллу Ахмадулину, Роберта Рождественского и Андрея Вознесенского. Часто «Дом журналистов» представлял собой место встреч различных представителей жанра, здесь можно было выпить кофе, съесть любимое пирожное. В недорогом ресторанчике всегда можно было найти свободное местечко. Иван со своим приятелем Валерием однажды посетили этот ресторанчик и остались довольны им. Тогда они прошли по пригласительному билету, который принесла ему его мама, работавшая в аппарате Генерального штаба. И Валерий еще сказал своему приятелю, уплетая аппетитную котлету:

– Вот поступишь в литературный институт, и сможем мы тогда чаще бывать здесь.

Сам Валерий мечтал поступить в Бауманское училище. У него было расположение к техническим наукам.

И вот сейчас они вдвоем с Анечкой Лариной по ее пропуску прошли в это старинное здание. Стены с барельефами, портреты, кресла и диваны создавали атмосферу таинственности, присущей тем местам, где рождаются произведения искусств. Иван был в пиджаке с широкими плечами и в узеньких брюках, как тогда носила молодежь. На белой рубашке у него был повязан яркий галстук с яблоками в качестве рисунка. Этот галстук ему подарила соседка, приехавшая из Дании, и Иван повязывал его всякий раз, когда собирался на торжественные мероприятия. Анечка была в шелковом голубого цвета платье с оборочками на коротких рукавах и в лакированных белых туфельках. Она как всегда выглядела прекрасно и не осталась без внимания. Ее окликнул какой-то молодой человек и помахал рукой. Она улыбнулась ему и ответила тем же жестом.

– Это мой товарищ с третьего курса журфака. Он тоже часто приходит сюда, ищет интересный материал. Но мэтры выступают здесь редко, все больше молодежь.

Сам по себе вечер поэзии, где прочли свои произведения молодые еще неизвестные поэты, не оставил должного впечатления. Иван подумал, что такая поэзия не для него. Он вообще не очень любил стихи, предпочитал прозу читать, а еще больше, писать. Сейчас он заканчивал повесть, и вскоре собирался засесть за роман. В голове он уже прокручивал его сюжет и отдельные сцены в нем. Иван поделился своими соображениями с Анной, и та в целом согласилась с ним. Проза, конечно, имеет больше возможностей, чем любое поэтическое произведение, считала она. Но поэзия быстрее доходит до читателя и особенно до слушателя. Ведь не станешь читать повесть или даже рассказ перед аудиторией. Это не лекция. И слушать скучно. Другое дело поэзия. Стих, произнесенный вслух, как выстрел, метко направленный, сразу попадает в цель.

Они сидели в уютном кафе, и пили кофе с пирожными. Вдруг Анна кого-то увидела, выходящих из зала.

– Посмотри туда, только не оборачивайся резко. Там Евтушенко с Беллой Ахмадулиной. Иван медленно повернул голову и увидел тех, о ком ему сказала Анна.

– А ты знаешь, что они муж и жена? Это правда, я знаю точно.

Ивану показалось, что на лице Анны появилось мечтательное выражение.

– А ты хотела бы быть женой Евтушенко? – спросил Иван Анечку и вопросительно заглянул в ее карие глазки. Та улыбнулась, помолчала немного и ответила:

– Я хотела бы быть твоей женой. Мне Евгений как мужчина не нравится. Ты выглядишь намного интересней его. Посмотри вокруг, где еще ты увидишь такого красивого мальчика.

Ты видишь, многие девушки посматривают на тебя. Наверняка уже завтра некоторые из них позвонят ко мне и будут расспрашивать, с кем это я была.

– А ты их знаешь?

– Да, как раз мои знакомые и посматривают на тебя с интересом.

– И что ты им ответишь?

– Не знаю, пока. Ведь мы никак не определили свои отношения. Кто ты мне и кто я для тебя?

– Если бы меня спросили, с кем я был в «Доме журналистов», я бы ответил, что с любимой девушкой.

– Ну, тогда и я так отвечу им, ты согласен?

– Согласен. Наверно, это так. У меня такое ощущение, что с каждой нашей встречей я влюбляюсь в тебе все больше и больше.

Аня улыбнулась признанию Ивана, глубоко вздохнула и заметила:

– Как было бы хорошо, если бы и в самом деле все это было так.

Они вновь прощались на лестничной площадке перед дверью квартиры Анны. Не престаивая целовались, и Иван вновь нежно ласкал ее, забираясь в сокровенные места, а Анна всякий раз вздрагивала при таких прикосновениях и сдерживала его руки.

– Не сейчас, милый, – шептала она, – потом. Завтра моя бабуля собирается уехать на дачу к своей подруге. Приходи, мы будем вместе, и никто не станет мешать нам любить друг друга.

– Но завтра «последний звонок».

– Вот и приходи часа в три, сразу после звонка. У меня есть «Чинзано», пил такое? Отпразднуем нашу взрослость. Придешь?

– Конечно, приду, но сначала зайду домой и позвоню тебе, проверю, уехала ли твоя бабушка.

Сердце Ивана бешено застучало, когда он понял, какой это может быть встреча.

Глава 4. Последний звонок

Это было торжественное и трогательное мероприятие. Последнее в жизни выпускников школы. Практически вся школа собралась в актовом зале на четвертом этаже. Выпускные классы двумя длинными шеренгами расположились вдоль стен, отгородив собой составленные стулья. Учителя в полном составе стояли у третьей стены, а сразу при входе в зал собрались ученики других классов. Они держали большие букеты сирени разного цвета и крупных пионов, созревших этой весной раньше времени. Была короткая торжественная речь директора школы и напутствия своим выпускникам. Затем к шеренге десятиклассников подошла маленькая девочка из первого класса. В ее руках был колокольчик. Она взяла за руку первого выпускника в шеренге, по росту это был Василий, и повела по периметру зала. Василий сразу же подхватил девчушку к себе на плечи, та не испугалась и продолжала звонить колокольчиком. Зал взорвался аплодисментами. Через несколько минут девочка уже стояла на ногах, а Василий перешел на свое место. Раздалось предложение поздравить выпускников и группа девочек из числа старшеклассниц с цветами в руках кинулась к шеренгам. Цветов было много. Большой букет собрался и в руках Ивана. Некоторые из парней направились с букетами к своим учителям. Среди них были и первые учительницы. Евпраксия Ивановна стояла несколько в стороне. Среди выпускников не было тех, для кого она была первой учительницей. Маленькая, сухонькая с поседевшими светлыми волосами она смущенно улыбалась, радовалась за своих коллег. Но тут к ней подошел с охапкой цветов Иван Белецкий. Она была его первой учительницей в московской школе, в другой, в которую привел Ивана его отец при переезде в Москву. Иван вручил ей цветы, обняв ее и поцеловав в щеку. Он горячо поблагодарил свою первую учительницу за учебу и внимание, которое она уделила ему, не московскому мальчишке, приехавшему из подмосковного городка. Тогда, во втором классе, она вместе с ним радовалась его успехам: по окончании года Евпраксия Ивановна вручила ему дорогой подарок – книгу Гарина-Михайловского со своей дарственной надписью. Эту книгу Иван до последнего времени хранил в своем книжном шкафу. И всякий раз, открывая ее, с теплотой вспоминал свою первую учительницу.

Часть цветов Иван принес домой и вручил их маме, Ольге Григорьевне, поздравив ее с «последним звонком». При этом он подчеркнул, что теперь ее младший сын становится взрослым. Иван слегка перекусил, так как обед был еще не готов, и собрался уходить к Анечке.

– Ты далеко? – спросила его мать, – не забудь, мы завтра утром уезжаем в Полтаву и ты обещал нас проводить.

– Мама, ведь это будет только завтра, а сейчас всего лишь три часа и мне уже пора.

Он позвонил к Ане, и та подтвердила, что бабуля уже уехала на дачу к своей подруге.

– Я одна и жду тебя с нетерпением. Можешь приходить.

Через полчаса Иван стоял на четвертом этаже перед дверью квартиры Анны Лариной. Он впервые был в этой просторной квартире. Здесь жила его любимая девушка и сейчас она стояла перед ним в школьной форме с белым фартуком на груди. Аня улыбалась, взяла его за руку и пригласила войти. В комнатах пахло цветами. В красивых вазах стояли пышные букеты сирени.

– Я едва успела расставить цветы по вазам. Их так много. Тебе дарили цветы?

– Конечно, дарили. Но я большую часть отдал своей первой учительнице. Кроме меня в зале не было ее учеников, и она могла остаться без цветов. Она славная пожилая женщина и обижать таких нельзя.

– Ты умница. У тебя доброе сердце и ясный ум. Проходи сюда, садись. Видишь, я еще не переделалась. Я сейчас, ты подождешь немного?

Иван уселся в кресло, взял с журнального столика, стоявшего перед ним, журнал и стал перелистывать страницы. Время от времени он поглядывал на Аню, которая уже успела переоблачиться в домашний халатик из легкой ткани и теперь суежилась у круглого стола.

– Ну вот, все готово. Вымой руки и присаживайся к столу. Давай праздновать.

На столе стояла большая бутылка вина с надписью «Чинзано», два хрустальных фужера и коробка шоколадных конфет. Иван налил вина и поднял свой фужер.

– За нашу любовь и взрослую жизнь.

– И чтобы мы были счастливы в ней.

Зазвенел хрусталь и темное рубинового цвета вино скрепило их тосты. Они сидели друг перед другом и не знали, что теперь делать, когда они остались одни. Наступила какая-то неловкость или скованность в их состоянии. Нужно было как-то преодолеть этот барьер.

– Анечка, я давно хотел спросить тебя. Ребята говорили, что у тебя знаменитые предки, что ты внучка соратника Ленина. Это правда или выдумки?

– Для тебя это важно?

– Важно, что бы между нами не было тайн и недомолвок.

– Ну, если так, то я тебе скажу, что это длинная история, всего не перескажешь. Считай, что это так. Мой дедушка был министром в первом советском правительстве, ученым, писателем, а бабушка одно время работала в секретариате у Ленина. Папа погиб во время войны, и мама вышла замуж за моего отчима. Я потом взяла его фамилию и не жалею об этом. Меньше вопросов о моих знаменитых предках. Ларина, по-моему, звучит неплохо, правда? А твой папа был на войне?

– Был, конечно, сейчас он полковник в отставке. А мама не работает, ведь у нас большая семья.

– Ты счастливый. У тебя есть братья.

– И сестра, Светлана.

– Как бы я хотела со всеми подружиться. Помнишь, мы вчера говорили о том, что я хотела бы выйти за тебя замуж, а ты хотел бы жениться на мне, не сейчас, конечно, потом, когда мы станем старше.

– Конечно, я и сейчас готов подтвердить свое желание.

– Увы, сейчас мы не сможем стать мужем и женой. Нам нет еще и восемнадцати. И потом наша самостоятельность или взрослость – это только проформа. Еще надо учиться, получить профессию, стать на ноги, чтобы создать семью.

– Я согласен с тобой и это все печально. Это так далеко от нас. А зачем ты мне все это говоришь?

– Не знаю. Я ищу способ сблизиться с тобой, но остаться такой, какая я есть. Как это сделать? Ты знаешь, для девушки очень важно прийти к мужу девственной? Одна девочка мне рассказывала, что они со своим парнем научились делать так, чтобы им было хорошо, но при этом она оставалась девушкой.

Иван не совсем понимал, о чем говорит Аня. И как это возможно?

– У меня есть предложение, только не смейся надо мной и не отказывайся, обещаешь? Пойдем сейчас в ванну, вместе. Нам не надо стесняться друг друга, если мы любим. Ты не против?

– Я не знаю, как это все получится.

– Ничего страшного, – вдруг взорвалась Аня, – сейчас попробуем. Ты посиди, а я пока приготовлю ванну.

Зашумела вода и через несколько минут Иван услышал голос Анны, напоминающий нежное мяуканье:

– Ванечка, милый мой, иди сюда.

Иван снял пиджак, развязал галстук и расстегнул ворот рубашки, приоткрыл дверь ванной комнаты. Аня лежала в ванной, погруженная в густую ароматную пену. Лишь светлая головка торчала над пеной, да яркие карие глазки, игриво улыбаясь, приглашали его к себе. Иван подошел к ванной и погрузил руки в пену.

– Разденься сначала и полезай ко мне. Не стесняйся, я отвернусь, если хочешь.

Иван так и сделал, как говорила Аня. Он быстро разделся и шагнул в пенную горячую воду. Ухватившись за борта ванны, полностью погрузился в нее. Теплота воды, ароматная пена и ощущение близости тела любимой девушки вскружило голову Ивану. От наслаждения он закрыл глаза. «Все, – подумал он, – я ее люблю. И другой мне не надо. Я буду сколько угодно ждать того момента, когда она станет моей женой».

– Ты что бормочешь про себя, молитву что ли? – смеясь, спросила Аня и протянула руки к животу Ивана.

– Я шепчу признание в любви, – ответил Иван, открыв глаза и протянув к ней свои руки. Его прикосновения были нежными и бережными.

– Тебе нравится мое тело?

– Нравится, мне все нравится, что связано с тобой.

Иван приподнялся за бортики ванны, повернулся к Анечке и лег на нее, стал горячо целовать в губы. Она обняла Ивана, ответила на его поцелуи и ощутила его тело. Постепенно погрузилась в воду с головой. А когда Иван вернулся на свое место, вынырнула с пеной на голове и в шутку закричала:

– Ты чуть не утопил меня, нехороший мальчишка.

Протерла глаза и предложила потихоньку выбираться из ванны.

– Отвернись, я выйду первая. Потом ты, но не одевайся, я хотела бы еще полежать с тобой.

Аня обтерлась полотенцем, потом показала Ивану на его полотенце, одела халатик и вышла из ванны. Следом за ней выбрался из воды и Иван. У стола стояла Аня с бокалом вина в руке:

– С легким паром, – протянула Ивану второй бокал. Вновь зазвучал хрусталь, и вино приятно освежило их. – Пойдем ко мне в спальню. – Аня потянула за собой Ивана. – Давай положим немного.

Легли рядом. Прикрылись одеялом. «Что же будет дальше, – подумал Иван, – что можно и что нельзя?» Похоже, что Аня угадала мысли Ивана, потому спросила:

– Ванечка, ты ведь уже взрослый мальчик. Скажи, у тебя были женщины? Ты знаешь, как с ними обращаться?

Иван с удивлением посмотрел на Анечку, повернулся к ней боком и запустил руки под одеяло, пытаясь привлечь ее к себе.

– погоди, Ваня, ты не ответил мне. Пойми, сейчас это важно.

– Да, у меня были женщины, и я могу тебе показать, как с ними обращаться.

– Вот как раз этого не надо. Мы можем ласкать друг друга, доставлять удовольствие и радость, но при этом я должна оставаться девушкой. Понимаешь?

– Признаться, мне трудно понять, как можно доставлять друг другу удовольствие без интимной близости, без того, чтобы ты отдалась мне.

– В этом все и дело. Ласкай меня, целуй меня всю и везде. Тебе сейчас все разрешается, кроме главного. Ты меня понял?

– Понял, конечно, – с несколько раздосадованным голосом ответил Иван, – целовать – это только часть любви, прелюдия.

– Хорошо тебе говорить. Ты не девушка и при этом ты ничего не потеряешь. А я потеряю и ты, наверно, знаешь, как это важно для девушки. Потом существует реальная опасность забеременеть в мои годы, еще, будучи школьницей. Это просто ужас. Нет, я не могу согласиться с такой ценой за любовь.

Иван откинулся на спину, стал разглядывать потолок. Он почувствовал, что желание обладать этой девушкой постепенно покидает его.

– Ваня, ну что же? Ты меня совсем не любишь, совсем не хочешь? Поцелуй же меня. – Аня откинула одеяло, давая возможность Ивану разглядеть ее всю. – Тебе сейчас все разрешается.

Она сама набросилась на Ивана, лаская его, прикасаясь к самым чувствительным местам. Иван почувствовал несравненное наслаждение от девичьих ласк. В нем вновь проснулся огонь, стремление к этой азартной девчонке, и он принялся целовать ее всю. Анна опрокинулась на спину, подставляя себя поцелуям Ивана. Очень скоро она застыла в ожидании новых ощущений, потом застонала и затихла, тяжело дыша.

– Что это было? Иван, ты не знаешь, какое это чувство. Блаженство!

Потом зазвонил телефон, и Анна как была нагишом побежала в большую комнату к аппарату. Звонила бабушка:

– Ты одна или со своим Ванечкой? – спросила она, – ну как, у вас все в порядке? Смотри, не потеряй благоразумие. Я скоро возвращаюсь. Когда? Ну, может быть через час, два. Так что прощайся с ним.

– Это звонила бабуля, напомнила, что бы я не теряла благоразумие. Но ты умница, послушный мальчик. Я так тебе благодарна за ту радость, которую ты мне доставил. – Она прилегла к Ивану на грудь, стала целовать его все ниже и ниже. Теперь уже Иван затрепетал от восторга. Это было почти так же, как если бы Анечка отдалась ему.

– Ну вот, теперь мы квиты. Тебе было сладко?

– Да, очень. В ответ Иван поцеловал Анечку, затем встал, обернулся полотенцем и отправился в ванную комнату. Оттуда вышел уже одетым. Анна, надев халатик, подошла к столу.

– Мне кажется, за это стоит выпить вина. – Она разлила по фужерам терпкое вино, и вновь зазвенел хрусталь. – Ну вот, теперь мы знаем, как можно доставить друг другу радость и не потерять благоразумие.

Вскоре Иван покинул квартиру своей любимой Анечки.

На следующий день Иван проводил родителей и старшего брата Олега в Полтаву и на обратном пути с Курского вокзала они с Игорем сделали необходимые покупки на первое время и вернулись домой. Теперь они остались одни и впереди их ждали выпускные экзамены. Пора начать подготовку. Но сначала Иван решил позвонить к Анечке. Она сняла трубку и сказала, что давно ждет его звонка. Ивану показалось, что Аня была чем-то раздражена и не очень расположена к разговору с ним.

– Анечка, что-нибудь случилось? Ты в плохом настроении? Может быть, с бабушкой ты поссорилась?

– Причем тут бабушка? Я сама во всем виновата?

– Виновата? Но в чем? Что все-таки случилось? Может быть, мы сегодня увидимся и поговорим?

– Нет, мы сегодня не увидимся. Как я могу смотреть тебе в глаза после вчерашнего? Мне стыдно вспоминать, поверь, это было какое-то наваждение. Я, абсолютно голая, и ты тоже. Что мы делали, страшно вспомнить.

– А я так думаю, что все это было хорошо, даже замечательно. Ведь ты сама стремилась к этому. Ну, а кроме того, ничего страшного не произошло, ведь мы не потеряли благоразумие.

Анна помолчала некоторое время.

– Алло, ты меня слышишь? Анечка, любимая моя, ты должна успокоиться, все обдумать и не судить себя и меня, в том числе.

– Ты, правда, так считаешь?

– Конечно.

– Но все – равно нужно время, чтобы все ушло в прошлое. Я не представляю себе, как я смогу увидеть тебя. Мне кажется, я просто сгорю от стыда. Наверно, это плохо, что мы вчера сотворили. Давай мы пока не будем встречаться, тем более, начинаются экзамены, надо заниматься. Лучше и здесь проявить благоразумие, чем потом сожалеть обо всем. Ты не звони ко мне пока, я сама тебе позвоню, когда смогу. Ладно?

На том и простились. Иван был в недоумении. Что же все-таки произошло? Вчера была страсть, любовь, откровение и свободные отношения, а сегодня? Ведь было же так хорошо. Еще вчера они были уверены, что любят друг друга, и это надолго. А теперь? Значит, это особенности девичьей психики и Ивану это не дано понять. Остается только смириться с этим и приступить к занятиям.

Первым экзаменом было «сочинение» и Иван обязан написать его без проблем. Так и случилось. Он получил «четверку». Далее пошли другие экзамены, которые требовали серьезной подготовки. Иван сидел за столом с утра до позднего вечера. Выходил из дома только за тем, чтобы купить продукты. Игоря часто дома не было. Он предпочитал посещать консультации по каждому из предметов, а где он пропадал в оставшееся время, Иван не знал. Однажды, когда Иван уже засыпал, Игорь разбудил его. «Девчонку хочешь, – спросил он, – моя девочка пришла с подружкой и им негде переночевать. Они были в гостях в какой-то гостинице и в одиннадцать их оттуда выгнали, понимаешь?». Недолго думая, Иван сказал: «Давай». Через некоторое время одна из них, раздевшись, попросила его подвинуться, легла рядом. Пока горел свет, Иван успел разглядеть ее. Лет двадцати, худенькая фигурка, с небольшой грудью и аккуратными бедрами. У него быстро возникло желание, он повернулся к ней и стал ласкать ее. Девушка оставалась неподвижной, не отвечала на его ласки. Через минуту его возбуждение пропало. К своему ужасу, он явно ощутил это. А еще через минуту, оставаясь все еще на ней, он услышал: «Слышишь что ли, давай слезай, я спать хочу». Иван почувствовал, как будто, на него вылили ушат холодной воды. Повернувшись лицом к стене, он слышал сопение на постели рядом, где его брат и его подружка занимались любовью. О том, что у его брата есть такая подружка, Иван не знал, и ему показалось, что, скорее всего, это просто случайные знакомые. Иван ощутил внутреннюю брезгливость и горечь на душе от сложившейся ситуации. Еще совсем недавно он был уверен, что любит Анечку, эту чистую, ангельскую девочку, ласкал и целовал ее, а тут такое. И зачем только он согласился принять эту девчонку, имени которой он даже не знал, ведь совсем не хотел этого. Он долго не мог уснуть. Его соседка по постели, повернувшись к нему спиной, уже тихо посапывала. Утром они ушли рано. Иван сделал вид, что спит. Ему не хотелось видиться ни с той, с которой у него произошел конфуз, ни с той, которая спала с братом. Ему просто было стыдно за них и досадно за себя.

– Кто это были? – спросил Иван, увидев, что Игорь, проводив девчонок, вернулся в комнату.

– Да так, та, что со мной спала это моя старая знакомая, я иногда встречаюсь с ней, а другую я не знаю. Наверно, просто ее подружка. У тебя было чего с ней?

– Нет, ничего не было. Она сразу повернулась на бок и засопела.

– Я так и понял. А ничего девочка, стройненькая и симпатичная. Может, пригласим их как-нибудь, развлечемся, а?

– Потом посмотрим. А сейчас пора вставать и заниматься.

Последним экзаменом была «химия». Иван особо не волновался за этот предмет: химия ему давалась легко, и он неплохо знал школьный курс. Ближе к вечеру на пороге квартиры Ивана появилась Инна Седых, одноклассница Игоря.

– Привет, ты к Игорю? – спросил ее Иван, – а его нет, и я не знаю, когда он придет.

– Нет, не к Игорю. Я пришла к тебе. Кончай заниматься. Надоели уже эти экзамены. Какая разница, что получишь. Пойдем лучше погуляем, вечер такой замечательный.

Иван согласился. Вечер действительно был теплый и тихий. Многие москвичи уехали из города: кто на дачу, а кто в южные края. Дневная суэта спала, машины разъехались по гаражам. На Сивцев-Вражке тоже было безлюдно.

– Правда, хороший вечер? – обратилась к Ивану Инна.

– Да, прекрасный вечер, – согласился Иван, глубоко вдохнув теплый летний воздух, – ты молодец, что вытащила меня на прогулку. Пойдем, а как же Игорь? Я всегда полагал, что у тебя с Игорем роман.

– Глупый ты, Ванечка, хоть и мечтаешь быть писателем. Ничего ты не видишь, ничего не понимаешь. С Игорем я так просто общалась, чтобы иметь к тебе подход. Ну как я могу просто так прийти и сказать «Ванечка, ты мне нравишься, давай с тобой встречаться». Так, что ли?

– Так ты хочешь сказать, что я тебе нравлюсь, а ты все это время делала вид, что тебя интересует Игорь?

– Вот именно так, мой милый. Обними меня за талию. Мне хочется прижаться к тебе.

Инна Седых была худенькой девушкой, с курчавыми темного цвета волосами и голубыми глазами. Ее узкое личико и тонкий носик делали ее вполне привлекательной. Иван знал, что она нравилась его маме, Ольге Григорьевне, и когда Инна приходила к Игорю, с удовольствием считала ее потенциальной невестой непутевого сына. Это обстоятельство также привело Ивана в смущение, когда он узнал, что сам является ее любовным интересом. И сейчас Иван не мог отказать девушке в ее просьбе, обнять ее. Худенькая и тоненькая она сразу прильнула к плечу Ивана и удовлетворенная глубоко вздохнула.

– А пойдем ко мне, я одна, никого нет, поговорим.

Инна жила на улице Веснина, недалеко от помпезного здания МИД. Домик ее был деревянный, старенький и они в скором времени ждали переселения. Лестница скрипела под ногами, когда они поднимались на второй этаж в квартиру Инны. Свет не стали зажигать, а сразу стали целоваться. Что тут поделаешь, когда тебе семнадцать лет, а на дворе июньский вечер, последний экзамен и вся жизнь впереди. Инна оказалась смелой девушкой, ее настойчивость привела их совсем скоро в постель, где они, раздевшись, продолжали жарко целоваться. А когда Иван осмелел и захотел овладеть ею, она резко вскрикнула и крепко сжала свои ноги, вытолкнув от себя Ивана.

– Прости, мне очень больно. Я не знала, что это так. Я наверно никогда не смогу быть матерью.

Ну, что тут ответить на такую реакцию девушки. Иван промолчал, но любовный пыл вскоре погас совсем. Домой он вернулся в час ночи. Игорь встретил его не приветливо.

– Где ты шатаешься, завтра экзамен, на дворе ночь, а тебя нет. Давай гаси свет и ложись спать.

Утром Игорь разбудил Ивана с вытаращенными глазами.

– Ванька, посмотри на себя в зеркало. Как ты пойдешь на экзамен?

Перепуганный Иван подбежал к зеркалу и ужаснулся: правая сторона шеи вся была покрыта яркими синего цвета следами от вчерашних поцелуев Инны.

– Да, что же делать, Игорь? С такой шеей нельзя идти на экзамен. Все сразу будет ясно, что это такое. За это, пожалуй, не похвалят.

– Серьезная штука. Посмотри, в трюмо в ящичке должен быть широкий бинт. Перед уходом я обмотаю тебе шею, как будто горло болит. Может быть сойдет.

Так и сделали. Обмотали шею довольно туго, чтобы повязка не спадала, и Иван отправился на последний экзамен. Игорь последовал за ним. Все прошло успешно, и по химии Иван получил «четверку». После окончания экзаменов Иван спускался по школьной лестнице, где его остановили две учительницы. Одна была по химии, другая по литературе. Обе были

довольно молоды, черноволосы и миловидны. «Химичка» привлекла его к себе и попыталась несколько поправить повязку на шее.

– Бедный, горлышко болит, а экзамен сдал хорошо.

– Он вообще-то хороший парень и очень даже симпатичный, только вот плохо, когда повязка спадает на шее. Надо следить Ваня, пока горлышко не залечится, – добавила учительница по литературе.

Иван смутился, сказал: «Спасибо, я постараюсь» и двинулся вниз по лестнице.

Впереди был выпускной вечер в школе. Когда собрались все в актовом зале, Иван немного взгрустнул, что среди приглашенных нет его родителей. Ему хотелось, чтобы в этот торжественный момент был в зале его отец, полковник Белецкий Павел Иванович. И хотя Иван не был медалистом, но, в целом, он окончил школу с хорошими показателями. «Ничего, – успокаивал себя Иван, – у него еще будет возможность порадовать родителей своими успехами». После торжественной части все собрались за праздничным столом, за которым естественно не было крепких спиртных напитков. Но что такое бокал сухого вина, когда на душе такая радость. Ребята тайно от учителей устроили маленькую выпивку. Потом, когда уже стемнело, во дворе школы разгоряченные спиртным ребята устроили «товарищеские разборки» и кому-то досталось. Потом всей гурьбой устремились на Красную площадь. Там встретили восход солнца и смешались с другими бывшими школьниками, знакомились с девчонками, конечно, подрались с каким-то парнем, который нетактично приставал к девочкам из их класса. Иван случайно встретился с Игорем и его друзьями и уже все вместе направились домой. Вот и все торжество. Школа закончилась, впереди свободное плавание.

Получив на руки аттестат зрелости, Иван первым делом направился в приемную комиссию Литературного института. Уже при входе он обратил внимание на объявление, висевшее перед дверью с табличкой «Приемная комиссия». Здесь же висели и другие объявления, содержащие порядок подачи документов, их перечень и сроки прохождения экзаменационных испытаний. Но прочитав первое объявление, Иван был просто ошарашен. В нем была ссылка на Постановление правительства и министерства образования СССР об ограничении приема абитуриентов на гуманитарные факультеты и вузы без двухлетнего производственного стажа. Это информация означала, что для Ивана сегодня и в последующие два года был закрыт путь в литературный институт, равно как и в любой гуманитарный факультет другого института. Осмыслив полученную информацию, он все же постучал в дверь приемной комиссии. В небольшой комнате было полно таких же, как он, молодых людей. Они толпились у столиков, за которыми сидели милые девушки, готовые рассмотреть ваши документы. Иван, пробившись к одной из них, попросил дать разъяснение по поводу объявления, висевшего у двери. «Все верно, – был ответ, – получайте стаж и приходите через два года. Мы с удовольствием рассмотрим ваши документы». И все. И никаких других вариантов. Он вышел из комнаты, постоял немного, послушал, о чем говорят ребята. Многие выражали недоумение. Большинство не понимали причин такого постановления. Но факт оставался фактом. Пока возвращался домой, многое передумал. И первой мыслью было попробовать удачу в Харьковском университете, где на историческом факультете учился его полтавский товарищ Вадим. А если и там не получится, то по возвращении из Полтавы найти подходящую работу для получения стажа.

– Иван, наплюй на все это. Тебе только шестнадцать и у тебя в запасе до призыва в Армию еще три года. Живи и радуйся. Школа позади. Давай собираться в Полтаву. Поедим хоть завтра или послезавтра. А сейчас – на вокзал за билетами.

Все завертелось очень быстро. Купили билеты на завтра на поезд с пересадкой в Харькове.

– А сегодня я предлагаю устроить прощальный ужин. Давай пригласим девчонок и поведемся. Может быть тех, кто приходил тогда, помнишь?

– Я даже не знаю, как ее зовут, и сколько у нас осталось денег? Хватит ли на прощальный ужин.

Подсчитали остаток, прикинули расходы и решили, что хватит вполне, если на вокзал они поедут на метро. Игорь тут же направился к телефону-автомату и набрал нужный номер.

– Привет, это я. Ну, все в порядке. Иван согласился. Мы уже взяли билеты и сейчас поедем домой. Давайте через пару часиков подъезжайте. Да, мы зайдем в гастроном, и все купим. Ну, если хотите, то можете прихватить и это. Кстати, Иван спрашивает, как зовут твою подругу. Ну да, с которой он спал тогда. Катя? Очень хорошо. Ждем вас, пока. – И повесив трубку, повернулся к Ивану. – Оказывается, твою подружку зовут Катей. А ничего девчонка, правда?

Прощальный ужин удался на славу. Пили водку и закусывали жареной колбасой со свежими огурчиками. Слушали новые джазовые мелодии, записанные на рентгеновской пленке, отчего звук был слегка «шершавый». Потом немного танцевали, и Катя все время вопросительно заглядывала Ивану в глаза, как будто чувствовала себя виноватой за прошлую встречу. Иван крепко обнимал ее податливое тело и нежно целовал в шейку. Время от времени Иван вспоминал Анечку Ларину и жалел, что с ним сейчас не она, а другая женщина, к которой Иван не испытывал теплых чувств. Недавнее огорчение, полученное Иваном в Литературном институте, в один миг перечеркнуло все его планы, которые казались такими реальными и близкими. А вместе с ним полетели в тартарары, и все мечты, связанные с Анечкой. Ну что он теперь ей скажет, как объяснит все происшедшее? И как она все это воспримет? Зачем он ей, такой неудачник.

Остаток вечера и всю ночь они провели в постели. На этот раз Иван почувствовал настоящее влечение к Кате и был рад этому чувству. Был рад тому, что с ней, этой молодой женщиной, не нужно быть благоразумным или еще каким-то, нужно просто быть самим собой.

Глава 5. Дорога в лето

Братья Белецкие, Иван и Игорь ехали в поезде из Москвы в Полтаву. Это было изнурительное путешествие с пересадкой в Харькове. Еще вчера вечером они выехали с Курского вокзала столицы. Ехали в общем вагоне без плацкарты. Свободных мест практически не было, даже чтобы поужинать, им пришлось попросить соседей уступить на время место у столика. Ели сваренные в крутую яйца с огурцами и полу копченую колбасу. Спали сидя и проснулись рано с тем, чтобы сделать пересадку на местный поезд, шедший до Полтавы. И вот теперь уже полдень, а до конечной станции оставалось не менее полутора часов. Поезд тащился страшно медленно, со всеми остановками на полустанках и разъездах. Железная дорога была однокорейной, и это создавало трудности при разъезде двух встречных составов: кто-то один должен уступать другому. Почему то чаще получалось так, что уступал именно тот поезд, в котором ехали братья. Ах, если бы стрелочники знали, как им хочется быстрее оказаться в родных пенатах, в этом чудесном городе, к которому прикипели их души еще с детства и который назывался Полтавой. Сейчас их там ждали родители, старший брат Олег и их близкие родственники, живущие там: бабушка Галя и ее дети Петр и Вера. Их ждала великолепная речка Ворскла, про которую была сложена легенда со времен Петра Великого, уронившего подзорную трубу в реку и быстрое течение унесло ее. Потому и получилось название реки: (Вор) (скло). Полтава – это всегда лето, солнце, горячий золотой песок на пляже и прохладная вода в реке. Полтава – это изобилие ягод и фруктов, овощей и материнского тепла, с которым их мать готовит вкусную еду. Ничего вкуснее они никогда не ели. Полтава, наконец, это девушки, знакомства, встречи под луной, объятия и поцелуи. Как же можно не стремиться ко всему этому, когда ты окончил школу и тебе еще мало лет, наконец, ты отпущен в свободное плавание.

Время шло медленно, и также медленно тащился этот пассажирский поезд. И вновь остановка, ожидание встречного. В полупустом вагоне были открыты многие окна, и врывавшийся свежий воздух со стороны зеленых полей, простиравшихся за окнами состава, приносил ароматы полевых цветов и создавал комфортный микроклимат. Иван стоял у окна и думал о своем. Он не мог себе представить другую профессию, кроме как быть писателем, создавать образы и сюжеты. Но как теперь добиться своей мечты? И вообще, есть ли другой путь достижения этой цели? Состав дернулся и медленно начал набирать скорость. Игорь открыл глаза. Он, казалось, несколько задремал и теперь повертел головой, стараясь включиться в ситуацию.

– Далеко еще? – спросил он Ивана.

– Часа полтора, наверное, можешь еще подремать. Я тебя разбуду за полчаса.

Сам же Иван вновь уставился в окно. Он видел какие-то постройки, кучи угля, насыпанные вдоль полотна, здание вокзала, пролетевшее уже довольно быстро мимо поезда. «Это был не разъезд, – подумал Иван, – это была какая-то станция. Жаль не успел прочитать название». Поезд набирал скорость, и мысли Ивана уносились далеко от этих мест. Он опять в Москве, на лавочке у памятника Гоголю и рядом с ним сидит белокурая красавица с карими глазками и в легком летнем платье. В ее руках ветка сирени и она время от времени помахивает ей, как бы отгоняя несуществующих насекомых. Он также вспомнил их любовную близость и поцелуи, ее тонкий стан и полную упругую грудь, аромат ее духов и вкус «Чинзано». Что же все-таки произошло? Почему она так резко изменила свое отношение к нему? И была ли это любовь, может быть всего лишь кратковременное увлечение, навеянное весенним ветерком. Ведь было же такое увлечение у Инны Седых, и оно быстро прошло, как только она столкнулась с болью. Но Анечка ничего этого не испытывала. Уверен, ей было приятно, когда Иван целовал ее всю, она сама этого хотела и страстно желала получить эти ласки. Наверно, стоило все-таки позвонить к ней перед отъездом, может быть, она ждала его звонка? Теперь уже поздно думать об этом. Иван многого не успел сделать до отъезда в Полтаву. Он не зашел ни разу к Марине,

после того как увидел ее с тем мужчиной. Кто это был? И совсем не обязательно, что это был ее жених. Она тоже могла ждать, когда Иван навестит ее. Впрочем, она могла сама позвонить к нему, хотя бы затем, чтобы узнать, как он сдает экзамены.

Поезд продолжал катиться в Полтаву и по мере того, как он приближался к этому городу, воспоминания Ивана постепенно угасали, уходили в прошлое. И на смену им всплывал яркий образ другой девушки, Аллы, черноволосой красавицы с карими глазами и обворожительной фигурой. Они познакомились на пляже летом прошлого года. Она стояла по пояс в воде и смотрела в сторону братьев Белецких.

– Ты посмотри, какая девушка, – восхищенно промолвил Олег, – Иван, а тебе слабо с ней познакомиться?

– Могу попробовать, – Иван решительно парировал замечание Олега, и смело направился в воду.

– Здравствуйте, – Иван подошел к девушке и с улыбкой стал объяснять ей, – вы конечно можете меня прогнать, но дело в том, что там, на берегу стоит парень, это мой брат Олег, а меня зовут Иван. Олег сказал, что вы ни за что не захотите со мной познакомиться. Но я набрался смелости и стою перед вами.

– Почему он так решил? – спросила девушка, улыбнувшись Ивану.

– Нам вы показались настолько красивой и независимой, что рассчитывать на успех было бы просто чудом.

– Меня зовут Алла, и я с удовольствием познакомлюсь с вами и вашим братом. Вы не местные парни, верно?

– Верно, мы из Москвы. А как вы поняли, что мы не местные.

– Выговор у вас не местный, не полтавский и даже не украинский. Теперь все стало на свои места: вы из Москвы и речь у вас московская.

Потом Иван пригласил ее прогуляться вдоль пляжа к тем местам, где река была глубже. Там они купались и загорали на теплом ласковом солнышке. А когда вернулись на прежнее место, Иван познакомил Аллу с Олегом. Причем, сделал он это, как если бы Алла была его хорошей знакомой. Он проводил ее до лестницы, которая вела в верхнюю часть города. Там жила Алла. Потом начались их встречи не только на пляже, но и вечером, в зеленой роще, тянувшейся вдоль берега реки. Так родилась у них любовь, скрепленная горячими поцелуями. А потом Алла уехала в Харьков сдавать экзамены в театральное училище и вернулась уже студенткой. Любовные свидания продолжались до конца лета, пока Иван не уехал в Москву, а Алла в Харьков. Долгие месяцы Иван ждал письма от Аллы, и они приносили ему желанную весточку от любимой, где она вновь и вновь объяснялась ему в любви и не чаяла, когда вновь увидит и обнимет своего Ванечку. И вот скоро долгожданная встреча, может быть даже сегодня.

А сейчас Ивана завлекал вопрос: скоро ли будет мост через Ворсклу, за которым на высоком холме появится старый монастырь с высокой башней-колокольней. Для братьев это был знак того, что скоро вокзал и они каждый раз, когда приезжали в Полтаву, с волнением ждали этого момента. Но поезд вновь сделал остановку. Колеса перестали стучать, и установилась необычная тишина. Так бывает всегда, когда вдруг неожиданно прекращается надоедливый шум. Иван подошел к окну. За окном не было ни станционных строений, каких-либо амбаров или сараев, ни жилых домов. Была тихая степь, залитая солнцем, и редкие деревца стояли вдоль железной дороги. Было слышно пение птиц. Наверно это был очередной разъезд. И как ни уютно было такое ожидание, все равно раньше положенного срока не приедешь в Полтаву.

Поезд тронулся и вскоре прогремел по железному мосту через Ворсклу, а через минуту Иван действительно увидел монастырь, стоящий на высоком холме. Он знал, что внизу этого холма, уже не так далеко, стоит их дом и скоро появится вокзал. Иван позвал брата:

– Игорь, хватит спать, подъезжаем, смотри, вон монастырь.

Игорь подошел к окну. Посмотрел на величественную картину за окном вагона и сказал: – Да, стоит вечно и ничего не меняется с годами.

На его лице было мечтательное выражение.

И вот уже появилась платформа, поплыли привокзальные здания. Как и ожидали братья, на платформе их поджидали Олег и Петр. Оба были в белых рубашках и черных брюках, загорелые и веселые. Они увидели братьев в окне и двинулись за вагоном, медленно ползущим вдоль платформы. Всё! Путешествие закончилось. Впереди воля и отдых.

Поезд окончательно остановился, и на ступеньках вагона появились Игорь и Иван. На фоне Олега и Петра они казались бледными, хилыми и уставшими. На платформе было весьма оживленно: то там, то здесь слышались приветствия, видны были жаркие объятия и поцелуи. Всем казалось, что свершилось маленькое чудо, и сбылись откровенные желания – одни приехали отдыхать, другие – наконец-то увиделись с родственниками и друзьями. Было уже за полдень и солнце палило нещадно. Пройдя через холл вокзального здания, где от мраморного пола и высоких потолков исходила прохлада, все четверо выбрались на привокзальную площадь.

Обычно в тех случаях, когда багаж был невелик, Белецкие не пользовались такси, чтобы добраться до дома. К тому же и очередь была довольно длинной и такси подъезжали не так часто, как хотелось бы ожидающим. Проще было идти пешком по зеленой улице, мимо фруктовых садов, окружавших частные строения. В этой тихой части города в основном селились бабушки и дедушки, нигде не работающие и живущие на пенсию. К ним – то, как раз и приезжали многочисленные родственники отдохнуть в тишине и повидаться с родными. А отдых здесь был славный: теплое лето, мало дождей и река рядом, изобилие ягод и фруктов по удивительно низким ценам. А соскучишься по цивилизации, недалеко троллейбусная остановка и через десять-пятнадцать минут ты уже в центре живописного города. Театр, исторические памятники, множество магазинов и несколько ресторанов всегда к вашим услугам.

Но Белецкие из года в год приезжали сюда на каникулы не только за этим. Ольга Григорьевна была родом из Полтавы. Здесь проживает ее родная тетя Галя, некогда приютившая ее, еще совсем маленькую девочку после смерти матери и вырастившая ее до поры замужества. Баба Галя была слегка полновата, ходила в длинной темной юбке и легкой обуви, пышные черные волосы без заметной седины всегда были уложены на затылке и покрыты белым платком. В молодости она была красивой женщиной, но сейчас, когда ей уже к семидесяти, возраст взял свое. К тому же она страдала от гипертонической болезни и почти не лечилась. Случилось так, что у нее не было пенсии, а сидеть на шее у детей она не могла. Во время войны погибли два ее сына, Павел и Николай. И теперь у нее остались сын Петр и дочка Вера от второго брака. Второй муж тоже умер. Сама она, будучи малограмотной, не хлопотала о пенсии. Немного денег ей присылал Павел Иванович, полковник в отставке, но последнее время размер его пенсии урезали, как у большинства военных пенсионеров, и возможности помогать значительно сократились. Летом у бабы Гали был собственный бизнес – своего рода сервис для отдыхающих, приезжающих в Полтаву в большом количестве. Отдыхающим надо было что-то кушать, ведь фрукты и ягоды вместе с овощами это конечно хорошо, но хочется чего-то более существенного. Питаться в столовой или кое-как, «всухомятку», конечно не хотелось. Мясные кулинарии в то время отсутствовали, а на рынке был преимущественно «живой» товар. Были куры и кролики, но живые, а приготовить из них полуфабрикат, годный для кулинарной обработки, дело сложное, требующее определенного навыка и возможностей. Вот баба Галя покупала «живой товар», несла в мешке домой, (и это в ее возрасте!), резала и общипывала кур, забивала кроликов. Следующим ранним утром она вновь отправлялась на базар, продавала свой готовый товар, а разница в стоимости «живого» товара и продукта, готового к приготовлению, составляла ее прибыль. Кроме того, у нее накапливалось значительное количество куриных перьев, сушились натянутые на специальных рогатках кроличьи шкуры, которые потом также прода-

вались в специальные заготовительные конторы. Так и пробавлялась баба Галя в летнюю пору. Когда кончался летний сезон, и разъезжались отдыхающие, ее бизнес затухал, и с деньгами становилось худо.

Живописная улица, по которой привычным маршрутом от вокзала до дома шли братья и Петр, подошла к концу и плавно перешла в прибрежную зону, покрытую травой и песком. У кромки воды и в самой речке плескались купающиеся, многие лежали на песке и подстилках, получали солнечные ванны. Большинство были уже загоревшие. Ступая в городских туфлях по песку, ребята подошли к лодочной переправе и погрузились в лодку. Здесь в летнюю пору с раннего утра и до позднего вечера работал один и тот же лодочник, сухощавый, загорелый и уже далеко не молодой человек. Река была не слишком широкой, и лодка медленно продвигалась к противоположному берегу под частыми взмахами весел. Казалось, что эти движения не составляли особого труда для лодочника. Переправа была платной, но стоила копейки.

Противоположный берег реки, куда перебрались братья на лодке, тоже представлял собой пляж, песок которого то и дело набивался в туфли. Хотелось снять обувь, носки и идти босиком. А еще больше хотелось сбросить с себя одежду до трусов и кинуться в прохладные воды реки. Но ничего этого делать братья не стали и продолжали идти по песку с походными сумками, испытывая неудобства и жару. Их рубашки уже промокли от пота на спине, но вот эти мучения кончились и их путь продолжился по такой же тихой и зеленой улице, что была на противоположной стороне реки. Эта улица вела их к дому.

Большой, красного кирпича, еще не до конца достроенный, он был творением Павла Ивановича. Этот дом он начал строить несколько лет назад, когда ушел с воинской службы на пенсию, получил выходное пособие и право на землю под строительство загородного дома. Тогда Белецкие долго думали, где строить дом, под Москвой как дачу или в Полтаве, где жила баба Галя со своими детьми. Все же Полтава оказалась роднее, да и старая хата бабы Гали, наполовину разрушенная немецкой бомбой, уже совсем пришла в негодность. Новый дом состоял из двух отдельных половин: одна для семьи бабы Гали с детьми, а другая для семьи Белецких, которые, как видно, решили до конца связать свою судьбу с Полтавой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.